

ВЛАДИМИР МИХАЙЛОВ
НАСЛЕДНИКИ
АССАРТА

Владимир Дмитриевич Михайлов
Наследники Ассарта
Серия «Капитан Ульдемир», книга 4

v 2.0 – MСat78 – создание fb2-документа из текста правообладателя

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=135134

Наследники Ассарта: Эксмо; Москва; 1998

ISBN 5-04-001026-5

Аннотация

Капитану Ульдемиру и его экипажу необходимо вернуться на планету Ассарт, где никак не закончится война. Теперь их задача – не уничтожить врага, а добиться, чтобы в этом мире не прозвучало больше ни одного выстрела. Это оказывается гораздо труднее, чем провести лихую разведывательную или десантную операцию. Но цена этого единственного выстрела может оказаться слишком высока – он может стать последней каплей в чаше терпения Вселенских Сил, решающих судьбу человечества и всего Мироздания.

Роман публикуется впервые.

Книга публикуется в авторской редакции.

Содержание

Глава первая	5
1	5
2	12
3	20
4	25
5	27
6	29
7	33
8	35
9	37
10	39
11	41
12	42
13	48
14	51
15	56
16	63
Глава вторая	64
1	64
2	76
3	79
4	94
5	96

Глава третья	98
1	98
2	102
3	111
4	119
5	121
6	124
7	128
Глава четвертая	132
1	132
2	146
3	151
4	163
5	167
Конец ознакомительного фрагмента.	169

Владимир Михайлов

Наследники Ассарта

Глава первая

1

О-О-О-У-У-У-Ы-Ы-Ы-Ы-Ы-У-У-У...

Это было, словно ночная песня тоскующего волка-одиночки. Вой, пробуждающий страх и смятение в душе, чувство неприкаянности и желание бросить все, кинувшись на поиски другого существа, в чьем сердце царит сейчас такая же тоска, – существа, готового принять тебя таким, каков ты есть, разделить твои радости и печали и позволить тебе принять на свои плечи груз его бед и неурядиц. Дикая звуки подчиняли себе, подавляли мысль и пробуждали инстинкты – добрые и злые разом. Исходя как бы со всех сторон одновременно, вой этот поднимался над приземистым кустарником, дымным вихрем завивался над невысоким пламенем костра, наплывал – волна за волной. Звезды, густо усыпавшие небосвод, несчитанные звезды ассартской ночи, наперебой мерцали, можно было подумать, в такт звукам, разлетающимся все дальше – над пологими склонами холма, развалинами

Летней Обители Властелинов, медленно зараставшими травой, над отдаленными хуторами и деревеньками, дорогами и давно пустыми заправочными станциями, где едкий бензиновый дух уже не тревожил обоняния, уступив место мертвому запаху пыли. Звезды озаряли воронки от бомб, сторевшие в пламени недавней войны боевые и гражданские машины, изредка – лоскутья свежих посевов и куда чаще – столь же свежие бугорки с кое-как выцарапанными на могильных досках или камнях изображениями Великой Рыбы, Священной Горы или же Творящего Облака – все то, что надолго оставляет после себя ушедшая война!

Впрочем, точно ли она ушла?

Организованные военные действия прекратились, но выстрелы продолжали звучать тут и там. Человеку же, в которого попадает пуля, все равно – убит ли он по приказу, или просто кто-то, резвясь, нажал на спуск. Без цели, без смысла.

Было время, когда нам показалось, что это уже перестало быть нашим делом. Мы выполнили в чужом мире все то, что нам поручали. Сомонт не был захвачен нападавшими. Никто не проник в Жилище Власти, в его подземный лабиринт. Ни один человек – или не-человек – не добрался до запретного места, которое у здешних насельников именовалось Храмом Глубины. Властелин Изар сохранил – хотя бы формально – место главы Ассарта. Так что каждый из нас: и Рыцарь Уве-Йорген, и Питек, и Георгий, и Гибкая Рука, да и сам я в кон-

це концов, испытали приятное ощущение людей, сделавших работу если не отлично, то, во всяком случае, весьма удовлетворительно.

Но не более того. Мне было совершенно ясно, что ни нам, ни кому другому не по силам в два счета установить здесь мир и благоденствие. В конце концов, то была задача для постоянных обитателей этой планеты, но уж никак не для нас. Настала пора отъезда. Мастер дал нам разрешение покинуть планету, да и весь этот угол Вселенной. И мы разлетелись кто куда – в те места, которые каждый по привычке продолжал считать своим домом.

Но мы пробыли там не так уж долго. Если перевести Мировое время на уже привычное нам ассартское – около четырех месяцев. А потом последовала совершенно неожиданная команда Мастера: немедленно вернуться на планету – даже без захода на Ферму. Видимо, на более подробные объяснения времени не оставалось. Мы выполнили приказ – и, похоже, такая перемена судьбы никого из нас не огорчила.

В результате мы осторожно, по одному, собрались здесь – в ассартской точке Старт-Финиш, в лесу, неподалеку от Летней Обители Власти; той самой усадьбы, до которой я (уже очень давно, кажется) с трудом доковылял на одной ноге и где приобщился (пожалуй, это можно было назвать так) к высшей власти на этой планете.

Все это прошло. А что прошло, как известно, – то будет мило...

Наш кораблик, изрядно поучаствовавший в космической драке, но уцелевший после того, как доставил нас на Землю, пошел в ремонт, а сейчас Уве-Йорген пригнал его, и «Алис» находился здесь, рукой подать – готовый к работе, однако выведенный из поля восприятия и потому невидимый даже для нас, не говоря уже о посторонних. Впрочем, каждый из нас в любой миг мог подать ему нужный сигнал на возникновение. Он находился здесь, хотя мог бы стоять на любом из уцелевших космодромов Ассарта, единственный сейчас исправный корабль этого мира.

Итак, мы прибыли. Но Мастер почему-то медлил с объяснениями и задачами. Похоже, каждый из нас если и не понимал, то уж наверняка чувствовал, что причина его молчания заключается в том, что и сам он не до конца владеет обстановкой.

После смерти старого Властелина Советник, помогавший править государством еще отцу покойного, деду Изра, уединился в своей отдаленной от столицы усадьбе и за минувшие месяцы успел уже, с помощью своих слуг, сделать жизнь в старом доме достаточно уютной и даже приятной. Можно было бы, правда, подумать, что ему не хватает общества многих людей, к которым он привык за долгие годы служения Власти. Так оно, пожалуй, и было; но время от времени его все же навещал кое-кто из старых соратников.

Вот и сейчас некоторые из них были у него в гостях. Впрочем, вернее было бы назвать это деловым визитом.

Присутствуя при этой встрече кто-либо посторонний, он, надо полагать, немало удивился бы прежде всего облику гостей. Их странным одеяниям, какие были в моде, пожалуй, пятьсот, а то и большие Кругов времени тому назад. Двое были облачены в полные рыцарские доспехи, еще двое – в долгополые кафтаны с высоко торчащими плечами, одежду людей знатных: виднелась также длинная мантия, из тех, какие носили в давние времена ученые люди, а еще один был в купеческом полукафтани – темном, без всякой вышивки и прочих украшений. Но не одежда была в них самым странным, а то, что все гости до единого были в какой-то степени прозрачными: и если немного напрячь зрение, сторонний наблюдатель смог бы разглядеть сквозь них и противоположную стену, и все, что на ней висело или у нее стояло. И непременно возникло бы у него сомнение: полно, да люди ли это вообще?

Советника, однако, облик гостей нисколько не смутил, и он спокойно слушал то, что говорил ему один из рыцарей. Говорил, правда, не вслух, так что если бы кто-то и подслушивал, то не уловил бы ни единого звука. Советник же этим способом общения владел давно.

– Высокопочтимый донк и Командор, – так обращался рыцарь к Советнику. – Возможно, вам уже известно, что в скором будущем вас намеревается посетить Властелин

Изар.

Советник лишь кивнул.

– Предполагаем, что он будет просить о помощи в розысках его сына – возможного Наследника. И будет настаивать на участии в этих поисках Ордена Незримых.

– Да, – сказал Советник. – На вашем участии, донк.

– Мы пришли сюда, донк и Командор, для того, чтобы предупредить вас: не следует обещать этого. Мы не станем помогать.

– Решил ли так Совет Незримых?

Рыцарь улыбнулся печально:

– Совета более нет, Командор. Как нет и самого Ордена. Мы, стоящие перед вами, – все, что от него осталось.

– Что же произошло?

– Шары, Командор. Те, что исходят из недр Храма Глубины. Их стало намного больше. Мы боролись с ними, но соотношение сил не в нашу пользу. Они мощнее, запасы энергии их – больше. Наши воины рассеяны в схватках, превращены в беспорядочные струйки, развеянные в пространстве. Мы будем воевать до последнего. Однако исход ясен уже сейчас. Ордена Незримых больше нет, Командор. С прискорбием сообщаем вам об этом. История многих тысяч Кругов заканчивается вместе с нами. Вы остаетесь единственным, еще обладающим плотью, и вам придется взять на себя всю тяжесть спасения Ассарта.

Советник склонил голову:

– Я благодарен вам за предупреждение. Я знаю: вы будете держаться до конца. И я – тоже.

Гости склонились в глубоком поклоне. И через мгновение их не стало видно.

Мы вернулись на планету не в самый лучший для нее час.

После Десанта Пятнадцати планет Ассарт находился в глубокой разрухе. Так было, когда мы улетали. Похоже, так же обстояли дела и сейчас. Но, полагали мы тогда, пусть Властелин занимается обустройством своего государства – вкупе с Ястрой, Жемчужиной Власти. Покидая свои достаточно уютные комнаты, полагавшиеся мне по рангу в ее крыле Жилища Власти, я оставил ей составленное по всей форме прошение об отставке с высокого поста Советника Жемчужины. Другой стороны наших отношений я не касался. Они кончились.

Повторю еще раз: мы полагали, что свое дело сделали. Война умерла. Сорвались планы Охранителя и того, кто был над ним, и сам он растворился во множестве незаметных людей, перестав быть одной из фигур, с какими приходится считаться и Мастеру с Фермером, и не только им. Мы отработали и заслужили отдых. Разрешение Мастера покинуть планету было получено и использовано. Другое дело – много ли это принесло нам радости. Но это уже наши собственные проблемы и разочарования, и о них сейчас думать не время.

2

Далеко (по обычным меркам) от мест, где происходят описываемые события, один обратился к другому. Мастер сказал Фермеру:

– Я думал, что моим людям незачем больше возвращаться в скопление Нагор, что там все успокоилось – я подразумеваю безопасность Особой Точки. Тем более что зреют новые осложнения – в других местах, – ты о них знаешь...

– Они были всегда – и останутся, пока существует само Время, – сказал Фермер, и в голосе его не было веселья.

– Кроме того, им наверняка нужен был хороший отдых.

– Отдохнем ли когда-нибудь и мы сами?

– Это решать не нам. Так вот, я приказал им вернуться на Ассарт и находиться в полной готовности.

– Может быть, ты объяснишь, что так испугало тебя?

– На сей раз, похоже, – угроза всему Мирозданию.

– Снова – Перезаконие?

– Гораздо хуже. Те законы, меняясь, оставались нашими законами, хотя и с несколько иным действием. А грозит нам – установление других законов, в самой основе не позволяющих нам существовать такими, каковы мы есть. Возможно, дело коснется даже самой структуры вещества... А начнется с малого: с воцарения на планете, пусть сперва на одной, иной формы жизни – разумной жизни. Понимаешь, не ново-

го вида, не рода – иной формы.

Фермер кивнул. Казалось, он остался спокойным.

– Об этом нас не раз предупреждали. Но обходилось.

– Да – потому что своевременно принимались нужные меры. Это и приходится делать сейчас.

– А не может это быть ложной тревогой?

– К сожалению, вряд ли. На Ассарте замечается намного больше энобов, чем должно быть в нормальных условиях.

Фермер озабоченно нахмурился:

– Думаешь, это – следствие последней войны?

Мастер проговорил невесело:

– Верховной Силе не важна форма, в которой она проявляется. Но мы и есть суть эта самая форма – и не хочется уступать место неизвестно кому. В конце концов, люди – не самый худший вариант. Мы, например. – Он усмехнулся.

Но Фермер, похоже, не был настроен на веселый лад:

– Идет смена? Но это же... – Он не договорил, лишь покачал головой. Потом нашел слово. – Это ужасно.

– Это еще хуже.

– Резерв Разума?

– Да.

– Однако пока это только энобы.

– Недвусмысленное предупреждение. Их появление означает: еще одна война, еще одно нападение на планету – не на государство! – то есть не обязательно внешняя атака, хотя бы междуусобица – и планета сама примет меры самозащи-

ты. То есть еще одна сколько-нибудь значительная схватка между людьми – и механизм заработает. Это будет началом конца не только Ассарта. И не только Нагора, пожалуй...

Фермер сказал Мастеру – медленно, как если бы мысли возникали с трудом, одновременно с произнесением слов:

– Быть может, нужно пожертвовать Ассартом? Слишком далеко зашло там дело, и мне думается, что мы упустили время, когда процесс самоуничтожения можно было повернуть вспять. Нам казалось, что они спохватятся сами, не так ли? Мы не поняли вовремя, что есть страшная сила, преобладающая над доводами здравого смысла: политика и властолюбие. А теперь? Три четверти планеты – пустыня. Сохранился, по сути дела, один большой лес – и его продолжают уничтожать даже в мирное время. Может быть, выход в том, чтобы изолировать Ассарт от остальных? Пусть там действует Резерв Разума; это послужит предупреждением, наглядным пособием для всех миров. Боюсь, что у нас не хватит сил на что-то другое. Твои несколько эмиссаров – да будь их даже вдесятеро больше – ничего не смогут сделать. В конце концов, даже нам самим нужен такой опыт. А за пределы Ассарта опасность вряд ли распространится: у каждой планеты ведь свой резерв, и он вступит – или не вступит в действие только в зависимости от положения дел именно на этой планете, а не на Ассарте. Не так уж и много мы потеряем. Приобретем, возможно, больше.

Мастер ответил Фермеру:

– Всякое начало трудно. Реализовавшись – впервые в этой Вселенной – на одной планете, Резерв Разума приобретет куда больше опыта, чем мы. Это – Разум, хотя и чуждый нам. И как всякий Разум, он будет экспансивен, станет стремиться к расширению своего пространства. Прежде всего в пределах скопления Нагор. Потом – дальше. Я уверен: они найдут способ инициировать Резервы на других планетах, даже пока обстановка не станет критической. Это – первая опасность. А вторая, я думаю, заключается в том, что Ассарт в Нагоре – центр цивилизации. Он – порой намеренно, а чаще – без четкого умысла регулирует уровень цивилизации на других планетах, не позволяя им не только обогнать себя, но хотя бы сравняться. Как только он окажется во власти Резерва, он лишится своей роли – и место его займет кто-то из других миров Скопления. Он начнет проводить ту же политику сдерживания остальных. Ее можно реализовать, лишь ускоряя собственное развитие, стремясь все дальше оторваться от конкурентов. И в результате произойдет то же самое, что на Ассарте. Так что наша жертва – если мы пойдем на нее – будет первой, но никак не последней. Мы не можем так рисковать.

– Что же мы вообще можем?

– Прежде всего – узнать, как на самом деле обстоит дело на Ассарте.

– Мы знаем об этом достаточно.

– Да – если говорить о положении на поверхности плане-

ты. В мире, населенном людьми. Но мы не можем увидеть то, что происходит в зоне Резерва Разума. Она закрыта для нас. Для взгляда отсюда.

– Но не для проникновения внутрь там, на месте, ты это хочешь сказать?

– Вот именно.

– Это возможно?

– Риск для проникающего очень велик. Но надежда сохраняется.

Фермер помолчал, размышляя.

– Если бы на это пошел один из нас... – проговорил он затем, – то какие-то шансы были бы. Но мы не можем – без разрешения Верховной Силы. Ты уверен, что мы его получим?

– Уверен, что нет.

– Почему так считаешь?

– Не знаю. Скорее всего интуиция... Да и потом – ведь Резерв Разума порожден Верховной Силой так же, как и род человеческий. А Она никому не отдает предпочтения, что бы об этом ни говорили. Потому что и Ей нужен новый опыт – свой в каждом Времени и в каждом Пространстве. Иначе Она перестала бы быть активной. Нет, она не станет ограничивать Резерв.

– Но и нас тоже, я прав?

– И нас тоже. Это – наш с тобой мир, и у нас есть право самим принимать решения – и нести за них ответственность.

Тем не менее, туда не пойдешь ты и не пойду я. Потому что у нас здесь нет замены.

– Я только что хотел это сказать. Значит, один из эмиссаров?

– Да. И срочно. Нам нужно знать положение Резерва Разума на сегодня, чтобы понять – что еще в наших силах.

– Пошлешь ее?

Мастер медленно покачал головой.

– Нет. Для нее это было бы, пожалуй, легче – как для всякого человека Космоса. Но на месте обстановка может оказаться слишком сложной для женской структуры.

– Никодим?

– Нет. Он справится с препятствиями, но не сможет, боюсь, точно оценить то, что увидит, услышит и ощутит.

– И я так считаю. Структура разума ведь сохраняется и в Космосе. И не его вина, что он не в состоянии... – Фермер вздохнул. – Значит – послать планетарного?

– Да. Но, конечно, дав ему все, что мы можем.

– Догадываюсь, – сказал Фермер. – Это будет Ульдемир?

– Ты не согласен?

– Я возразил бы – если бы видел другой выход. Хочешь вызвать его сюда?

– Если окажется возможным. Я не уверен в этом: там все сейчас слишком сложно. Придется наделять его умениями отсюда.

– Всего таким способом не передашь...

– Сколько сумею. Ты поможешь, я надеюсь?

– Всем, что в моих силах. Кстати... у Резерва ведь тоже есть свои Ведущие? Такие, как мы с тобой для этой Вселенной?

– К счастью, сейчас, по-моему, нет. Ты ведь помнишь Охранителя?

– Конечно. Но разве это был он? Мне показалось, что он слишком слаб для такой деятельности. Иначе с ним не так просто было бы справиться.

– Ты забыл. Мы были такими же – пока Человеческий Разум не набрал силу. Если бы Резерв вышел на простор – Охранитель ничем не уступал бы нам. И он обретет полную мощь, как только Резерв начнет реализоваться.

– Он знает об этом?

– Сейчас – нет. Ты ведь помнишь: тогда удалось лишить его Силы. Но он все вспомнит – если Резерв выпорхнет из гнезда.

– Грустная перспектива. Как ты считаешь: там, внизу, в этом, как ты говоришь, «гнезде» – эмиссар сможет уничтожить его? Или хотя бы замедлить его реализацию?

– Нет, конечно. Самое большее – определить степень готовности. Только.

– Не очень-то утешительно.

– Других возможностей нам не дано.

Фермер даже не кивнул в ответ, а просто насупился. Он не хуже Мастера знал, что такое – Резерв Разума. И лишь

после паузы заметил:

– Нужно справиться и предотвратить. Сколько бы сил это ни потребовало. Даже если...

– Это самое я и скажу им.

– И о Резерве Разума?

– Пока – нет, – ответил Мастер не сразу. – Людям, занятым делом, не нужны лишние волнения. Уровень ответственности, если она чрезмерна, подавляет. Хватит им и своих тревог.

3

Мы прошли тогда сквозь пояс спутников – тех немногих, что еще не сошли с орбит, но представляли собой лишь кучи лома, доживавшие скорее всего последние сотни, а то и десятки витков. Лишь три аппарата показались нам исправными. Они висели на стационарных орбитах в плоскости экватора, охватывая своим излучением всю поверхность Ассарта. Мы опознали их: то были спутники глушения, вывешенные в пространстве Десантом Пятнадцати, чтобы лишить Ассарт связи и с кораблями этой планеты, ушедшими к другим мирам, и с самими мирами, и между отдельными источниками на поверхности атакованного мира. Они почему-то уцелели. Случайно скорее всего.

А когда мы, на одном из посадочных витков, проносились над Сомонтом, столицей, то нам показалось, что город этот, хорошо знакомый, сделался центром нескольких концентрических кругов, каких нельзя было бы увидеть ни на одной из довоенных карт.

Собственно, центром являлся даже не весь Сомонт, но та группа строений, что называлась – официально и неофициально – Жилищем Власти. Война пощадила его, как известно, не случайно. И нападавшим, и оборонявшимся было важно сохранить в целостности и сам Храм Глубины, расположенный глубоко внизу, и все подходы к нему.

Жилище Власти было охвачено нешироким кольцом уцелевших строений. Оно примерно совпадало с Первым городским поясом – по принятому в Сомонте делению.

Второй, Третий и прочие пояса – до самой зоны пригородов – лежали в развалинах. Снаряды, ракеты, бомбы и лазеры обеих сторон усердно потрудились на ниве разрушения.

Далее шло кольцо пригородов. Радиус его был небольшим: ни в одном месте он не достигал и двадцати километров.

А за ним начиналось уже Мертвое кольцо, ширина которого местами достигала двухсот километров. Именно сюда были выброшены основные силы Десанта Пятнадцати миров – и здесь встречены теми войсками, какие Ассарт еще смог собрать для своей защиты. Битвы начались на внешней границе этого кольца и прокатились до нынешней внутренней. Кроме других средств уничтожения, здесь поработали огнеметы – опять-таки с обеих сторон. Не осталась в стороне и химия. Она применялась не против людей, но уничтожала растительность, чтобы обеспечить сторонам свободу маневра. Трудно было сказать, сколько еще лет здесь не проклюнется ни один росток, не пролетит ни одна пчела или бабочка. Лишь немногие уцелевшие дороги пересекали это кольцо, но и по ним никто не ездил.

Последнее из воображаемых мною колец оставалось более или менее целым, как и те четыре донкалата, что граничили со столичным. Вообще-то он именовался Великим донкала-

том Мармик. Он издавна принадлежал роду Мармик, из которого происходила и нынешняя династия. Великий донкалат Тамир, из которого происходила Ястра, Жемчужина Власти, располагался далеко отсюда на северо-западе, в горах, там в предгорьях до войны усердно качали нефть. С донкалатом же Мармик соприкасались: Великий донкалат Плонт, а также Окроб, Шорк и Калюск. Они не понесли значительного ущерба; однако, как и более отдаленные края, имели большие потери в людях, ушедших на Большую войну и до сих пор не вернувшихся. Это не могло не отразиться на производстве – и отразилось. На планете стало голодно. А в Мармике и в самой столице – просто голодно. Далеко не всякий предприниматель решался пересечь Мертвое кольцо с грузом продовольствия. Да и на чем? Добывающие и перерабатывающие топливо предприятия, похоже, надолго вышли из строя – во всяком случае, других сведений не было; может быть, что-то и уцелело в Саморе, где тоже промышляли нефть и где множество людей под командой донка Яширы ушло с приближением войск Десанта в леса. Эти леса, покрывавшие весь Самор, и не позволяли разглядеть сверху, как там обстояли дела сейчас.

Все виды транспорта, похоже, бездействовали. Во всяком случае, мы не увидели ни одного поезда, корабля, локаторы не зафиксировали ни одного аэроплана в воздухе. Разве что несколько куцых транспортных колонн на разных дорогах; все они следовали, похоже, к столице. На войска это не бы-

ло похоже, и на продовольственные караваны – тоже. Видимо, властям не удалось ничего поправить за те месяцы, что успели пройти после формального окончания битвы до нынешнего дня.

Топливо – электричество – связь. Вслед за первым звеном этой цепи неизбежно должно было выпасть и второе, а за ним с неизбежностью последовать и третье.

Отсутствие связи означало отсутствие единой Власти.

Правда, когда я размышлял обо всем увиденном, нам еще не было известно, что в Великих донкалатах и просто донкалатах начали подниматься склонившиеся некогда, но не утратившие фамильной гордости головы.

Единого военного командования на Ассарте сейчас просто-напросто не существовало – потому что не существовало и самой армии, сильной и организованной. Причина была той же: многие военачальники, пользовавшиеся в войсках авторитетом, пали на планетах или погибли на кораблях; бомбардировки и обстрелы разрушили систему связи, а уже замеченные нами сверху спутники-глушилки и вовсе парализовали работу приемных станций на поверхности. Так что если где-то и сохранились подобия гарнизонов, то связи с ними не было.

Остававшиеся на планете, а также немногие вернувшиеся солдаты, лишённые командования и знавшие лишь, что война кончилась и надо добираться до дома, нередко не могли сделать этого из-за развала транспорта. И люди, пробирав-

шиеся к родным местам пешком, лесами и разбитыми городками и поселками, – идти открыто многие опасались, полагая, что местные власти могут схватить их и заставить работать на себя или же вернуть в армию, чего мало кто хотел, – люди эти чаще всего приставали к лесным и степным шайкам, не разбирая более, кто тут свой, ассарит, а кто – пришлый: солдатам всегда не трудно понять друг друга, все армии устроены на один манер, независимо от цвета знамен и языка команд. Одним словом, в мире сейчас царило неустройство. А винят в любом неустройстве именно Власть – потому что, вернее всего, так оно и есть.

Но это все нам только еще предстояло узнать.

Однако мы-то – мы свое дело сделали? Кто мог бы поспорить с этим?

Оставался, правда, у меня маленький повод для недовольства самим собой. В суматохе боев за Сомонт, а когда они смолкли – спешно собираясь покинуть планету и составляя свое прошение об отставке, я просто забыл сделать одно дело: передать Бриллианту Власти – Изару или, может быть, Жемчужине Ястре – кое-что такое, что могло заинтересовать их, когда они придут к необходимости как-то делить Власть между собою – а может быть, и еще с кем-то другим. Я забыл – и это так и осталось, помнится, в одной из уютных комнат Жилища Власти, – не в тех, разумеется, что я занимал, будучи Советником Жемчужины, но там, где – рассчитывал я – на оставленное никто не наткнется случайно. Были в Жилище Власти такие местечки – кстати, вовсе не те, в которых хранились, если верить слухам, Сокровища Ассарта.

Кстати, как там Ястра? Родила благополучно, это было уже – сколько? Два? Нет, скорее три месяца тому назад. Тогда я находился на Земле, как и весь экипаж; считалось, что мы отдыхаем. Я не успел еще выяснить, получили ли удовольствие мои друзья от посещения родных некогда краев. Их вид вовсе не свидетельствовал об этом. Похоже, ни один не был в претензии, что нас отозвали и снова забросили дела в эти, уже знакомые места.

Хотя – кто в конце концов одержит победу в борьбе за

верховную Власть в Ассарте – или же такая Власть вообще более не восстановится – для судеб Вселенной не имело равно никакого значения.

В этом я был уверен.

Властелин Изар был хмур и озабочен. Дела в его великом государстве складывались не лучшим образом.

Все было плохо. Но хуже всего, пожалуй, – предстоящее собрание всех – или почти всех донков Ассарта, впервые за десятки, даже сотни Кругов времени решившихся выступить единым фронтом против всепланетной Власти, какую представлял он, Изар.

Намир, Великий донк Плонтский, любезный сосед, наверняка играл в этой затее главную роль.

Сейчас донки находились в пути, и не сегодня-завтра следовало уже ожидать их прибытия.

Но столкнуться с ними лицом к лицу и победить можно было лишь при одном условии: имея за спиной силу не меньшую, но большую, чем у них. Да и не только у них. В донкалате, да и в самом Сомонте, бродило множество иноземных солдат – тех, кто, лишившись кораблей, не смог покинуть Ассарт и вернуться на свои планеты.

У Изара – сейчас, здесь – таких сил не было. И все это понимали.

Однако это еще не означало, что их вообще не было на планете. Они были, и надо было только найти их, предстать перед ними и повести за собой.

Такое решение Властелин и принял.

Он вызвал капитана Черных Тарменаров, своей гвардии и личной охраны.

– Мы выезжаем, капитан, – сказал он.

Офицер, казалось, не удивился.

– Каким способом, Бриллиант?

– По дорогам. Или вы считаете, что воздухом – лучше?

– Нет, Бриллиант, я так не думаю.

– Возьмем Карету Власти – и два боемобиля.

– Сколько воинов взять?

– Столько, сколько уместится. Топлива – максимум, вооружение – самое серьезное.

– Слушаюсь, Бриллиант Власти!

Капитан отдал честь, повернулся и вышел.

6

– О-О-О-У-У-У-Ы-Ы-Ы...

– Питек! – крикнул я. – Да уймись ты хоть ненадолго! Уши вянут!

– И в самом деле, – поддержал меня Уве-Йорген. Голос его, более звонкий, чем обычно (сказывалось выпитое, а может, и не только оно), донесся от костра. – От твоей арии наши дамы, чего доброго, в монастырь запросятся, а они тут для другого времяпрепровождения.

Два женских голоса поддержали его, два других воспротивились:

– Не мешай ты, хмурый!

– Пусть веселится! Всем – веселиться! Во имя Веселой Рыбы!..

Вой все же стих. Через несколько секунд Питек появился передо мной – первобытно-голый, из всей одежды на нем оставались даже не слипы, а лишь набедренная повязка – для нее было использовано полотенце; растрепанные волосы свисали на глаза, на груди виднелись многочисленные следы поцелуев: завербованные им дамы явно пользовались дешевой помадой. Он глубоко дышал, в густой шерсти на его торсе застряла сухая хвоя, и черный блестящий жук старался выкарабкаться из волосяных зарослей на волю. В каждой руке Питек держал по стакану. Один протянул мне.

– Не грусти, капитан. Выпей. Не пристало тебе отставать от экипажа. И прости: в такую ночь песня сама просится наружу.

Это называлось у него песней, и в его репертуаре было множество подобных. Как объяснял Питек, в его времена для каждого дела и события существовала своя особая песня, и он помнил все их до последнего звука. Правда, нам, людям других эпох, все эти звукоизвержения казались совершенно одинаковыми; вероятно, мы не обладали первобытной остротой слуха. Может быть, если бы Питек исполнял свои номера почаще, мы бы и научились разбираться; но он пел только под очень большим градусом. Тем, кто представляет, как много он мог выпить, не пьянея, легко понять, что сольные концерты его случались крайне редко. Сегодня был как раз такой случай, и он стоял передо мною и даже чуть покачивался. Но рука его, сжимавшая стакан, не дрожала.

– Выпей, капитан, – повторил он.

Я принял угощение. Это было местное деревенское пойло – не лучше и не хуже всех других такого же рода. Я выпил. С таким же успехом я мог бы выпить просто стакан воды: меня сегодня не брало. У меня был день воспоминаний, день грусти и печальных размышлений о тщете надежд и бессмысленности жизни. Такое накатывает на многих, начиная с определенного возраста. С того, через который я давно уже перешагнул, сделав, по моим прикидкам, предпоследний шаг. С возраста, когда главное в своей жизни мож-

но увидеть, лишь оглядываясь назад, но никак не всматриваясь в будущее. И когда примиряешься с тем, что один из основных периодов твоего существования – планетарный – приближается к концу. Может быть, даже не только примиряешься, но и начинаешь ждать исхода с легким нетерпением. Хотя бы потому, что люди, дорогие тебе, уже далече, и хочется поскорее пуститься им вдогонку. А те, кто останется здесь, и без тебя обойдутся...

Мне казалось, что, улетая, с планетой я расстался без сожаления. Да, здесь была Ястра; но выбирая между мною и властью, она остановилась не на мне – и поступила правильно. Власть не старится, как люди, она всегда молода – или, точнее, ее всегда можно омолодить, если только знать рецепт. Правда, кроме Жемчужины был теперь еще и ребенок; мой, никуда не денешься. И, может быть, он и служил одной из причин моего смутного настроения. Оно преследовало меня все время, пока я находился на Земле, неожиданно чужой и непонятной. Кажется, я – да и все мы – перестали быть планетарными людьми, физически еще оставаясь ими.

А может быть, и нет.

Что же касается ребенка – я никогда не умел любить детей заранее, до их появления на свет. Мне надо было взять младенца на руки, вдохнуть его запах, услышать голос, выражающий крайнее недовольство миром, в который его вбросили, не спросившись, – чтобы по-настоящему понять, что он не только есть, но что он – кусочек меня и с этого мига я

буду всегда ощущать его именно так. Поэтому сейчас, никогда еще его не видав, я всего лишь знал, что на свет появился сын – еще один, – но никак не ощущал этого. И все же было немного грустно от мысли, что, по всей вероятности, я никогда не увижу его и судьба его останется мне неизвестной. Хотя – о нем наверняка позаботится могущественная мать, и удел его будет, надо полагать, блистательным.

Но будет ли? Если понадобится, Жемчужина и им пожертвует, я думаю. И уж во всяком случае никак не станет афишировать мое отцовство. Так или иначе, я вряд ли могу чем-нибудь помочь ему. А это вполне уважительная причина для того, чтобы вести себя так, как если бы его и совсем не было.

Давай забудем, капитан? Подумаем лучше о чем-нибудь веселом. О холере в Одессе, как говорил классик. Будем легкомысленны...

Ястра, Жемчужина Власти, в который уже раз перечитала наглое, прямо-таки дышавшее самодовольством прошение своего Советника – да и только ли Советника? Нет, разумеется, – оставленное ей, видимо, перед его исчезновением с Ассарта, но обнаруженное ею лишь недавно, когда ей понадобилось зачем-то заглянуть в покои, которые он занимал прежде.

Таковы мужчины. Исчезают именно тогда, когда их помощь становится более всего необходимой. Что из того, что он помогал в войне с Десантом? Самая главная война начнется сейчас: война между своими, война за Власть на планете.

Но, кажется, какие-то остатки совести у него все-таки были: недаром ей только что доложили о том, что и сам Ульдемир, и люди, сопутствовавшие ему, вновь появились на Ассарте. Наверное, память заставила его вернуться на то самое место, где они встретились когда-то: близ Летней Обители – теперь, к сожалению, лежавшей в развалинах, – как и очень многое другое после войны.

Да, он там. В какой-то степени это приятно. Но нужен он сейчас не на развалинах Обители, а здесь. В Сомонте. В Жилище Власти. Рядом с нею, Ястрой.

Он, видимо, не спешит. Даже не прислал гонца, чтобы

известить о своем возвращении.

Ничего. Мы его заставим поторопиться.

Что за негодный, отвратительный отец, кроме всего прочего! До сих пор не видел своего ребенка. Чудесного Яс Тамира.

Ястра швырнула бумагу на стол. Вызвала капитана Горных Тарменаров – своих земляков и телохранителей. Гвардейского полка ничем не худшего, чем солдаты Изара.

– Капитан! Возьмите несколько надежных воинов и мой личный аграплан. Вам известно, где он. Незамедлительно летите к Летней Обители. Там сейчас мой Советник. Он – со своими людьми. Возьмите его и привезите сюда. Остальных четверых можете доставить позже, но его – ни минуты не мешкая.

– Следует ли брать его любым способом, Жемчужина?

– Ты имеешь в виду – силой? Не знаю... это не так-то просто. Лучше иначе. Обожди.

Она подошла к столу. На листке своей бумаги размашисто написала несколько слов. Сложила листок.

– Передайте ему это. И будьте вежливы и осторожны.

– Да, Жемчужина. Мы будем вежливы и осторожны.

– Капитан!

То был уже не Питек – тот вернулся к своим дамам, в кусты, и там всю развернулась любовная баталия. Меня взял за плечо Рыцарь; в отличие от Питека, он был одет по форме – той, какую носили мы здесь, на Ассарте. Уве-Йорген был полностью снаряжен для перехода в Сомонт, предстоявшего нам в самом скором будущем.

– Актуальная информация, капитан, – сказал он. – Если угодно. То, что мы не успели расшифровать сразу, – последние записи с орбиты. Мне кажется, это важно.

Мне пока ничто не казалось важным: мы ведь не знали, что еще нам предстоит тут сделать. Но приходилось оставаться капитаном даже тогда, когда ты не знал, какую команду подавать.

– Что-нибудь интересное?

– Те самые группы машин, что мы заметили сверху, но не поняли, что они там везут. Похоже, в столицу съезжаются донки – ближние и дальние. Помнится, именно в таких машинах они ездили – когда мы еще находились здесь.

– Им стоило бы сделать это куда раньше, – пробормотал я. – А вообще это – не наше дело. У нас нет приказа.

Он крепко, до боли, стиснул мое предплечье:

– Ладно, черт с ними. Но возьми себя в руки, капитан! Не

хочу видеть тебя таким. У нас же праздник сегодня, разве не так? Снова встретились, против ожидания...

Я вздохнул. Он был, конечно, прав, Уве-Йорген.

– Да, – сказал я. – Праздник. Симпозиум с девками.

Он усмехнулся:

– Твою даму, кстати, Питек тоже прихватил. Чтобы добро не пропадало. Ты же знаешь: ему всегда мало.

Я огляделся. Чуть поодаль из кустов появился Гибкая Рука; дама цеплялась за него, ноги ее заплетались – то ли много выпила, то ли индеец утомил ее. Его лицо оставалось, как всегда, невозмутимым и матовым – ни капли пота.

– Правильно сделал Питек, – сказал я. – Мне эта гимнастика ни к чему.

– Напрасно, – покачал головой Рыцарь. – Полегчало бы. Ну, дело твое, конечно. Однако, выпить за встречу надо. Таков закон.

– Надо.

– Тогда пошли.

И мы направились к костру.

Это и в самом деле должно было стать праздником. И ребята не зря организовали пикник на лоне природы, с выпивкой и дамами, подобранными, как уже говорилось, в Летней Обители Власти, – вернее, в ее развалинах.

Я уж не помню, кому первому пришла в голову мысль – отметить возвращение на Ассарт именно таким легкомысленным образом. Может быть, Питеку, но инициатором мог быть и Рыцарь, и даже Гибкая Рука. Точно знаю только, что не я. Но идея мне понравилась. Давно уже нам не удавалось посидеть так – легко, свободно, бездумно. И кто знает – придется ли еще. Девушки отправились с нами, похоже, с удовольствием, прекрасно понимая, что к чему, им достаточно было пообещать хорошее угощение. И, судя по тому, что у костра сейчас не было никого, кроме нас с Уве, да еще его дамы сердца (она, перебрав, спала тут же, свернувшись клубком, словно большая кошка), между моими коллегами и прекрасным полом установилось полное взаимопонимание.

Ночь достигла своего дна и теперь должна была начать подъем к рассвету. Наконец-то в голове приятно зашумело. Возня в кустах прекратилась, даже самые неутомимые, похоже, утихомирились...

Действительно, из зарослей появился Георгий – но в одиночестве. Лицо его выражало крайнее недовольство.

– Сбежала, – сказал он и присовокупил еще словечко, достаточно всеобъемлюще характеризующее исчезнувшую даму. – Я едва задремал, открываю глаза – ее нет.

– Наверное, ты ее напугал, – усмехнулся Уве-Йорген прежде, чем, навестывая упущенное, оттащить свою даму от костра и улечься рядом с нею. – Не надо было кормить ее раньше времени. Сытые всегда стараются смыться.

Меня происшествие не смутило: на войне как на войне, и после войны – как после войны. Я не стал сочувствовать ему. Рыцарь, похоже, собирался исполнить свой мужской долг тут же, не уходя от теплого костра; я поймал его взгляд и, чтобы не смущать ветерана, медленно двинулся в темноту.

Мне хотелось найти то место, ту точку, где я вынырнул из сопространства, прибывая на Ассарт; ту яму, где я чуть не сломал ногу. Хотелось попрощаться с памятью, что ли?

Я нашел ее метрах в двадцати от костра. Да, отсюда я двинулся на одной, по сути дела, ноге в путь, приведший меня к Ястре – и в конечном итоге к войне...

Мысль о войне оказалась неприятной, и я повернулся и пошел на колышущийся свет костра.

Наверное, я стоял на месте приземления достаточно долго; и Рыцарь, и его дама успели уснуть. Я был один. Одиночество у ночного костра – что может быть лучше, когда у тебя такое настроение?

И вдруг неизвестно откуда подкравшийся сон свалил и меня – сразу, бесповоротно, как выстрел в упор.

Мастер смотрел на нас с легкой улыбкой – в отличие от Фермера, который с осуждением качал головой, явно выражая свои чувства.

– Извините за то, что пришлось вызвать вас таким способом, – проговорил Мастер, дав нам минуту, чтобы мы, не без изумления оглядываясь, сообразили, что находимся не где-либо, а именно на Ферме – все до единого из ассартской команды. Правда, присутствовали здесь и другие, и мы с ними были рады видеть друг друга.

– У меня просто не было времени, – продолжал он, – ждать, пока вы вернетесь, – или хотя бы вызвать обычным порядком, – чтобы тут же отправить обратно.

Мы мельком переглянулись; услышанное нас не обрадовало.

– Что-то случилось? Но только что на Ассарте все было вроде бы в порядке... – выразил я общую мысль.

– Новая информация. И на этот раз очень серьезная опасность грозит не только Ассарту и всему его населению. Опасность, откровенно говоря, галактического размаха. Я сейчас объясню вам, но прежде скажу: вам необходимо остаться там до поры, когда можно будет улететь со спокойной совестью.

– Мы внимательно слушаем, – только и оставалось сказать мне.

– Новая информация, – начал Мастер, – заключается в том...

Когда он закончил, мы смогли только снова переглянуться. В сказанное верилось с трудом. Но сомневаться в его словах не приходилось.

– Нам кто-нибудь поможет? – хотел уточнить я.

– На серьезную помощь не рассчитывайте. Но что-нибудь сможем сделать. Однако главное – на вас. Роли там распределите сами. Все. Счастливого пробуждения под сенью деревьев.

Я хотел еще перекинуться хоть парой слов с Элой, то и дело поглядывавшей на меня, но только дружески – не более. Но не успел.

Мастер прощально кивнул нам. И все исчезло.

Очень далеко от Ассарта, на окраинной планете Инара, Магистр Миграт сказал Лезе:

– Собирайся. Пришла пора возвращаться домой. На Ассарт.

Женщина кивнула; за минувшие месяцы она привыкла повиноваться сводному брату Властелина, вырвавшему ее из огня войны и привезшему на Инару. Он всегда знал, как лучше.

– А ребенок выдержит? – спросила она только.

– Можешь быть совершенно спокойна.

Она кивнула. За себя она не боялась.

– И этому скажи – когда появится, – добавил Миграт.

– Его я уже второй день не вижу.

– Вот как?

– И рыбки его тоже нет. Унес с собой.

Миграт только пожал плечами.

– Ну, дело его, – сказал он равнодушно. – Ждать не станем.

Я проснулся мгновенно, словно потревоженный зверь. Все спали – как и в тот миг, когда, бросив тела на произвол судьбы, откликнулись на зов Мастера. И я по-прежнему пребывал в одиночестве.

Одиночество оказалось, однако, не таким уж продолжительным.

Минуты, я думаю, через две его нарушили военные башмаки. Они возникли на освещенном пяточке по ту сторону костра. Шагнули и остановились. Не сами по себе, конечно. В башмаках были ноги, поддерживающие крепкий торс, оснащенный головой в шлеме и двумя руками, крепко сжимавшими направленный на меня автомат. Я покосился налево и направо. Солдат было несколько, и они взяли меня в плотное кольцо. Другие точно так же обошлись с Рыцарем и его девчонкой. Я с легкостью опознал мундиры и знаки различия. То были Горные Тарменары – гвардия Жемчужины. Парни из офицерской – Знаменной – роты. Люди, не любящие и не понимающие шуток. А тот, что остановился передо мной, был их капитаном. Мне приходилось встречать его раньше, в бытность мою Советником (и не только) супруги Властелина.

Первой мыслью было: мы вроде бы не докладывали о своем прибытии никому. Но тут же сообразил: сбежавшая де-

вица. Видимо, нас ждали в этих краях. Но кто мог предположить, что, возвращаясь, мы направимся именно сюда? Кто мог нас вычислить?

Ответ был один: Ястра. Жемчужина Власти решила прибрать нас к рукам. Недаром говорится, что старая любовь не ржавеет.

А может быть, она и ни при чем? Просто солдаты резвятся? И вот сейчас один из них нажмет, смеха ради, на спуск – мы ведь, на их взгляд, безоружны...

Но никто не нажимал. Стоявший по ту сторону костра, убедившись в том, что замечен мною, сделал «циклоном» движение – дернул стволами вверх, приказывая встать. Я поднялся; остальные автоматы – во всяком случае, те, что находились в поле бокового зрения, – тоже изменили положение, продолжая метить в мою грудь или спину на уровне лопаток. В следующий миг двое сзади крепко взяли меня за руки. Я не стал протестовать. Пусть держат покрепче.

И вдруг странная мысль мелькнула. Не далее как час или полтора тому назад мне уже подумалось, что пришла пора рассчитаться с планетарным периодом своего бытия и перейти в новое – космическое – качество, чтобы воссоединиться со многими ушедшими. И вот сейчас возникла прекрасная возможность осуществить это как бы и не по своей вине. Все совершенно естественно: на меня нападают, я сопротивляюсь – и со мной поступают соответствующим образом. Полдюжины пуль в грудной клетке. Этого и для меня окажется

вполне достаточно. Так что никто не придерется. Даже Мастер. Гибель при выполнении служебного долга – что может быть благороднее и чище?

Двое задних по-прежнему держали меня за руки. Осталось лишь, сильно оттолкнув ногами землю, взлететь, попутно выбив носком автомат из рук стоявшего передо мной, и таким образом выиграть долю секунды, нужную нападавшим для того, чтобы среагировать и вновь поймать меня в прицел. Они поймают – и представление закончится.

Получилось же не совсем так. Потому что остальные, окружавшие меня, оказались вдруг на земле, а их оружие – в руках четырех моих сотоварищей. Те двое, что стерегли Рыцаря, лежали в нокауте. Пришлось признать, что мой замысел осуществлять некому.

– Ну, что сделаем с ними? – спросил Питек. – Может, придушим, чтобы не поднимать лишнего шума? Не то девицы проснутся. А им надо выспаться, им сегодня досталось на месяц вперед.

– Разберемся, – сказал я ему. И обратился к тому, что еще пару минут тому назад стоял передо мною, вооруженный и самоуверенный:

– Чего вы хотели?

Он сперва вхолостую пошевелил челюстью: кажется, я слегка задел его ногой, выполняя прием. Но в его взгляде, не отрывавшемся от моего лица, я не заметил ни обиды, ни упрёка; он понимал, что служба есть служба и на ней при-

ходится всяко. И голос прозвучал спокойно, когда тарменар ответил:

– Было приказано вручить Советнику собственноручное послание Жемчужины Власти.

– Только-то?

Капитан уже извлек из объемистого, на длинном ремешке, планшета запечатанный розовым сургучом конверт. От бумаги повеяло знакомым, тонким ароматом, мои ноздри с удовольствием втянули его. Офицер четким жестом протянул пакет мне:

– Срочно.

Я взял пакет.

– И для этого направили чуть ли не целый взвод?

– Приказано было доставить с почетом, – проговорил он. – Да и в этом лесу стало беспокойно в последние дни...

– Сейчас уже спокойно, – сказал Рыцарь. Тарменар кивнул:

– Верю.

Уве-Йорген взглянул на меня:

– Ну что – отпустим их подобру-поздорову?

– Обожди. Прочту.

Плотный конверт распечатался с громким хрустом. Маленький листочек в нем был сложен вдвое. Косой, размашистый почерк:

«Ульдемир! Жизнь твоего сына в смертельной опасности. Моя тоже. Срочно нужна твоя помощь. Жду с нетерпением»

ем!!!»

Именно так – с тремя восклицательными знаками в конце. Эти несколько слов занимали весь листок: Жемчужина не любила ограничивать себя ни в чем.

Похоже, я на какое-то время задумался – судя по тому, что Рыцарь позволил себе тронуть меня за локоть:

– У нас не так много времени осталось, капитан. Пора собираться.

Но я уже принял другое решение. Принял с облегчением, и только теперь почувствовал, что оно отвечало до сих пор не осознанному желанию: еще раз увидеться с этой женщиной – и добиться каких-то реальных гарантий благополучия для рожденного ею ребенка; ее ребенка, но и моего тоже. А если для таких гарантий ей нужен я сам – тем лучше.

– Я увижусь с Жемчужиной, Рыцарь. Думаю, это задержит нас ненадолго. Мастер ведь не ограничил нас определенными сроками. Значит, можем располагать своим временем.

(И, кстати, – подумал я, – отдам ей то, что забыл вручить вовремя. Лучше поздно... Хотя, кажется, еще и не поздно. Правда, не исключено, что они и сами уже наткнулись на этот мой – тайник не тайник, но во всяком случае – укрытое от поверхностных взглядов местечко.)

– Хочешь снова увидеться с нею? – Уве-Йорген нахмурился. – Странные у тебя возникают намерения...

– Чего же странного? Там мой сын – хотя и не мой наследник. К тому же формально – я все еще ее Советник.

– Я не об этом, Ульдемир. Сын – это понятно, и прекрасно, что она позволяет тебе увидеть его. Но последнее время ты неоправданно рискуешь. Как вот только что.

Он смотрел на меня в упор, и я понял, что такого старого вояку, как Рыцарь, мне не провести. Наверняка ему и самому приходилось переживать подобное.

– Больше не буду, – пообещал я. – Во всяком случае, в обозримом будущем. Слово.

– Верю. Ну а что делать нам?

– Общая задача вам ясна – как и мне. Действуйте по обстановке так, чтобы можно было начать в любое время. И держите связь со мной. Ты, как всегда, за старшего.

Он кивнул, и я сказал предводителю тарменаров:

– Что у вас тут – вездеход?

– Аграплан. В двух шагах.

– В столице произошло что-нибудь... неожиданное?

Он покачал головой:

– Мне об этом ничего не известно.

– Ладно, – сказал я. – Полетели.

Маленькая машина стояла метрах в двухстах от нашего лагеря. В ней нас ожидали пилот и еще два тарменара; прочие, видимо, останутся, чтобы караулить мой экипаж; что же – помогай им Рыба! Я имел в виду, понятно, не моих людей.

Я занял указанное мне кресло. Взлетели бесшумно, вершины леса стремительно провалились, потом побежали назад – все быстрее, быстрее. Поднялись над облаками. Звездное небо над нами походило на полусферическое зеркало, хорошо отполированное, отбрасывающее на облака свет неизвестного источника, так что облака сверху казались серебряными. Далеко справа на серебре проступало розовое пятно; то пробивался свет из кратера Священной Горы, которая странным образом уже сотни лет вела себя, как хорошо отлаженный мотор на холостом ходу, который не глохнет, но и не увеличивает оборотов. Зрелище было красивым.

Потом еще один источник света возник; маленький, но прыткий, он приближался к нам по плавной кривой. Пилот и капитан обменялись словечком-другим на языке, мне не понятном. Аграплан дал крутую свечу, потом нас слегка потрянуло. Это означало, видимо, что меры защиты приняты. Прошло несколько секунд, пилот перевел машину в горизонтальный полет и держал площадку с полминуты; потом внизу маленький огонек превратился в букет из огненных цветов

– лепестки вспыхнули и опали.

– Это по нам? – спросил я капитана.

– По факту, – ответил он, усмехнувшись.

– Чужие десантники из леса?

– Да кто угодно, – сказал он, пожав плечами. – Чужие, свои, а может быть – просто ребятня. Этого добра на планете валяется невесть сколько. Вот и играют. Мы защищены, не бойтесь.

– И в мыслях не было, – искренне сказал я.

Но тут же пилот снова нахмурился.

– Что-то еще? – поинтересовался я. Но тут же увидел и сам.

Неизвестно откуда возникло и теперь летело – справа, параллельным курсом, на расстоянии метров тридцати – несколько (шесть или семь) странных светящихся шаров – размером, как показалось мне, с человеческую голову. Поверхность их, если взглянуть, переливалась.

– Что это? – невольно вырвалось у меня.

Капитан пожал плечами:

– Никто не знает. Но после войны их развелось немало. Они не нападают, но все же приходится остерегаться. Может, они взрываются?

Больше я не спрашивал. Потому что понял: это те самые энобы, о которых предупредил нас Мастер. Энергия и информация. Хорошо, если только это...

Они сопровождали нас почти полчаса. Потом резко от-

вернули и стали снижаться.

Ничего страшного не произошло.

Мы долетели без приключений. Приземлились, однако, не там, где я ожидал: не на крыше правого крыла Жилища Власти, где была оборудована площадка для легких аграпланов и вертушек. И даже не на площади, на которую выходил Главный подъезд. Я не обиделся: через этот вход принимали лишь высоких гостей, я же сейчас был неизвестно кем. Но все же, оказавшись на земле, я удивился: уж слишком далеко мы приземлились, на пяточке среди развалин то ли Первого, то ли Второго городского пояса. Удивительно, как удалось пилоту втиснуть машину меж хребтами изломанных бетонных плит. Хотя – вспомнилось – они же горцы, Ястрины пареньки, так что ничего странного. Мог бы сесть и поближе...

Эту мысль я высказал капитану. Он глянул на меня достаточно хмуро:

– Мы, конечно, пробились бы. Но приказано не подвергать вас риску.

– Жилище Власти, что же, захвачено? Кем?

– Властелином, – буркнул он. – Ладно, пошли.

Некоторое время я жалел о том, что не занимался альпинизмом; потом привык, отделавшись парой синяков. Правда, оба солдата подстраховывали меня. Мы одолели «хребет», спустились по противоположному его склону (когда-то здесь проходила улица) и вошли под каким-то чудом уцелевшую

арку, что вела раньше, видимо, во двор, теперь же представляла собою тупик, до половины заваленный битым кирпичом. Арка была очень старой, судя по виду кирпичей; потому, наверное, и устояла.

Я подумал было, что здесь мы будем дожидаться чего-то. Но капитан не собирался задерживаться. Почти на границе завала оказался канализационный люк, присыпанный кирпичной крошкой. Я не заметил его сразу, потому что глаза не успели привыкнуть к темноте. Капитан скомандовал по-своему. Один из его солдат остался у входа, изготовив свой автомат к бою, второй стал поднимать крышку люка, сметая с нее мусор.

Потом мы спустились по скобтрапу. Солдат, прикрывавший нас, влез последним и надвинул крышку на место. Колодец был неглубоким. Внизу оказалось сухо. Капитан зажег фонарик. Он шел первым, я – третьим, на всякий случай считая шаги. Ход постепенно расширялся, потолок уходил ввысь. Мы прошли, по моей прикидке, около двух километров, когда капитан сделал знак остановиться и стал шарить лучом фонарика по стенам.

– Наши доски, – пробормотал он. – Куда, к дьяволу, девались доски?

Я тоже стал оглядываться. У меня и раньше были подозрения, что ассариты видят в темноте хуже, чем мы, земляне.

– Вон они, впереди. Они нужны?

И я сделал шаг вперед. Он схватил меня за рукав:

– Стойте на месте.

И отдал приказание. Солдат отложил автомат, лег и стал подползать к доскам по-пластунски, прижимаясь к самой стене. Я не без удивления наблюдал. Потом солдат остановился, вытянул руки перед собой, что-то на своем наречии проговорил. Капитан ответил. Направил свет туда, где солдат уже делал что-то пальцами вытянутых рук. Он копался около пяти минут. Потом стал отползать, уже более уверенно, чем полз туда. Когда он поднялся на колени, я увидел в его руках два детонатора и тонкую проволоку – кусок около метра в длину.

Капитан, похоже, выругался – но скорее с удовлетворением. Передав ему принесенное, солдат снова пополз; на этот раз он ухватился за одну из досок и не без труда потянул на себя, вновь отползая. Я опять дернулся было, чтобы помочь, – и во второй раз был остановлен:

– Я сказал вам – не рисковать!

Доски вытащили по одной. Они были метра по три длиной и сантиметров двадцати в ширину, толщиной же дюйма полтора. «Хорошие доски для занятого постройкой дачи», – подумал я. Солдаты, теперь уже вдвоем, стали укладывать доски в виде настила на полу, и потом по одной толкать их вперед так, что конец доски оставался примерно в шаге перед нами. Досок было четыре, настил получился широким и удобным – если только не спотыкаться о пакеты взрывчатки, прочно прибинтованные к каждой доске. Непонятно только

было – к чему тут настил и для чего взрывчатка на нем.

Еще команда – и первый солдат, подобрав оружие, двинулся по настилу и перешел на ту сторону. Сделал еще шаг и остановился. Пошел капитан. Потом – я. Доски были как доски. Наконец и последний участник экспедиции оказался рядом с нами. Но на этом дело не закончилось. Настил разобрали, доски по-старому сложили у стены, отсовывая их назад. Потом первый тарменар вернул детонаторы на место и зацепил конец проволоки за едва видимый крючок в полу, у самой стены.

– Можем идти, – сказал капитан.

– К чему была эта церемония? – не утерпел я.

Он усмехнулся:

– Тут – старая ловушка. Еще два шага – и человек проваливается в шахту, можно даже сказать – напрямиком к Духам Горы. Пройти можно только по мостику.

– Дальше тоже будут такие сюрпризы?

– Такие – нет. Другие – возможно. Но и к другим мы готовы.

Он скомандовал, солдаты вытащили из сумок глушители и навинтили их. Из ножен были извлечены длинные кинжалы. Даже смотреть на них было страшновато.

– Идемте.

Мы двинулись в прежнем порядке.

Чем дальше мы шли, тем извилистее становился ход. Еще через километр вышли на перекресток. Свернули направо.

Минут через десять остановились. Фонарик погас. Трое шепотом заговорили между собой, мне пришлось помалкивать. Я не обижался; мне хотелось лишь поскорее добраться до места, где можно будет по-человечески отдохнуть. Потом нас осталось трое: один солдат – тот, что шел последним, – растаял в темноте, за изгибом хода. Мы ждали. Было тихо. Потом послышался едва уловимый свист. Повторился. Капитан зажег фонарик. Мы двинулись дальше. Ушедший вперед тарменар поджидал нас шагах в двадцати. Капитан предупредил меня:

– Осторожно, не споткнитесь.

Но я успел уже разглядеть два тела, аккуратно уложенные к стене. Капитан провел по ним лучом. То не были тарменары Властелина.

– У них слишком мало людей, чтобы держать все проходы, – негромко сказал мне капитан. – Теперь, думаю, дойдем без задержек.

– Хотелось бы, – сказал я ему в затылок и умерил шаг, чтобы не оттоптать ему каблуки. – Но зачем вы их так – наповал?

– Это не мы, – сказал он, не оборачиваясь.

– Кто же?

Он ответил не сразу:

– Может, тут проходили Незримые. Бывает – некоторые умирают от страха. Сердце не выдерживает.

Я сделал вид, что объяснение меня удовлетворило.

Оставшиеся четверо дремали у догоревшего костра. Все было выпито, девицы ускользнули, опасаясь, наверное, солдатского пристрастия. Тарменары несли службу, охватив кострище и всех возле него редкой цепью. Было тихо и скучно.

– Чего ждем? – спросил у старшего Уве-Йорген, не очень рассчитывая на ответ.

– Машин.

– Где же они?

Тарменар немного подумал:

– Где-нибудь. Приедут.

И, еще поразмыслив, добавил:

– Лес густой.

И в самом деле, машинам пробираться сюда, выкручиваясь между деревьями, наверняка было сложно.

– Могли бы и сами дойти до просеки хотя бы. Вот как вы – сюда.

Тарменар сказал:

– Приказ.

Встал и отошел – наверное, чтобы больше не слышать вопросов.

Ждать пришлось еще не менее часа, пока не послышался звук работающего мотора. Звук многократно отражался от

деревьев, и трудно было определить, с какой именно стороны приближается транспорт.

– Готовность! – негромко скомандовал старший команды своим солдатам, и они сразу же залегли, укрываясь за деревьями, изготовив оружие к бою.

Старший вернулся к костру:

– Подъем. За деревья. Лежать до команды.

Четверо нехотя поднялись, протирая глаза.

– К чему? – поинтересовался Уве-Йорген. – Есть угроза? Ребята, берем оружие.

– Отставить! – хмуро приказал старший. – Оружие – нельзя.

– А вы почему?..

– Так полагается.

– Приляжем, – сказал Питек. – Хотя я, конечно, предпочел бы более теплую компанию. Разогнали всех красавиц, черти.

– Тише, – остановил его Рыцарь. – Слушать всем. Слышите?

– Тихо, – ответил за троих Гибкая Рука.

– Машины остановились. Наверное, не могут пройти. Если...

Он не закончил – тишину нарушили хлопки. Вроде негромких аплодисментов. Один. Два. Три. Но донеслись они вовсе не оттуда, откуда можно было ждать появления машин. Хлопнуло наверху. Над головами. Ниже лесных ма-

кушек.

Рыцарь, как и все остальные, невольно поднял глаза к густозвездному небу над поляной. Но первым увидел опасность не он.

– Облако! – негромко предупредил индеец.

Звезды и в самом деле мутнели, расплывались. Небо меркло.

– Газ! – это был уже Рыцарь. – Принять меры...

Спохватились поздно: уже вдохнули. Голова пошла кругом. Отказался подчиняться язык. Не осталось сил подняться. Сладко-сладко зевнулось...

Последее, что еще увидели глаза, пока тяжело не упали веки: солдаты на опушке. Черные Тарменары. Много. Приближались неспешно, с оружием в руках, палец – на спуске.

И тут же пришел сон. Глубокий, как в детстве после дня беготни. Мягкий. Светлый.

...Ты отдаешь ручку от себя. Послушная, как палец руки, машина наклоняет острый нос. Бомбардировщик противника в прицеле – медленный, громоздкий, как крылатая баржа. *Servus, mein lieber!* Большой палец сам вжимает гашетку. *Und – auf wiedersehen...*

Но два мчатся навстречу. Только что их не было – и вот они. Длинноклювые. Маленькие крылья – где-то в самом хвосте. Нет мерцающего диска, бешено крутящегося винта. И не видно трасс, прочерченных пулями для корректировки прицела. Но краткий взблеск пламени, струя дыма – и сей-

час, сейчас ракета...

Даже во сне понимаешь: этого не может быть. Эти пере- хватчики – совсем из другой эпохи. Не из той, военной. Но из невероятно затянувшегося после нее нового предвоенья.

Ничего, это ведь только сон... Ничего. Das ist garnichts. Der is janischt, как говорят берлинцы.

Или:

Он совсем крохотный, этот мальчик, младенец, лежащий на широких ладонях высокого рыжебородого человека. Наверное, ему страшно. Детям часто бывает страшно: они изначально знают, что мир жесток, но еще не умеют его жестокости противопоставлять свою. Но младенец не плачет, попискивает только. Может быть, инстинктивно ощущает: то, что произойдет с ним сейчас, избавит его от всей злобности мира, от необходимости защищаться от нее и причинять зло другим... А может быть, ему, голенькому, просто приятно сейчас на жарком солнце: ему не холодно...

Рыжебородый с младенцем становится над самым обрывом. И все, стоявшие позади, невольно приближаются короткими шажками, сами того не замечая. Разговоры падают до шепота, потом и вовсе стихают. Всех накрывает тишина, и писк ребенка в ней особенно слышен.

Бессмертные боги, но ведь это я лежу на жестких ладонях, и это меня сейчас – хилого, ненужного стране – меня, меня...

Громкий голос оглушает: бородатый что-то отдельно произносит. Я его не понимаю: еще не научился говорить.

Затем – взрыв голосов у него за спиной. И среди них – ни одного, в котором слышалась бы жалость.

И тут же я взлетаю в воздух. Солнце на миг заставляет зажмуриться, исчезает, снова слепит – и снова его нет. Свистит ветер – сперва ласково, потом все резче и резче. Все слышнее голос моря внизу, все ближе. И – ...

Нет, это был не я. Не я! Я не родился хилым, я отважный воин, стоял в одном строю с Леонидом, когда нас было лишь триста.

Но это только сон. Я понимаю, что это только сон. Ничего страшного. Ты никогда не боялся, не бойся и сейчас...

Или:

Глубокая расселина. И я лежу в ней. Двинуться не могу. Наверное, переломаны кости. Сырость и холод пробираются под кожу, и я чувствую, как медленно немеет все внутри. Что там внутри? На костях почти ничего уже не осталось. Трудно есть беззубыми деснами, но я привык бы. А что еще я смог бы? Ничего. Только есть, пить и оставлять свои кучки. Такие не нужны роду. Не нужны племени. Все правильно. Только зябко. Но скоро и это пройдет.

А я ведь прекрасный охотник, я – летающий по деревьям, я – обрушивающийся на добычу с вершины, я – без промаха и дальше всех мечущий копье. Хотя – это уже не сейчас. Это – раньше.

Что такое – сейчас? Что – раньше? Когда я оступился и сорвался в расселину, мои сородичи глядели сверху, лица

их оставались неподвижными; наши лица оживают, лишь когда мы преследуем дичь или врага, или спорим между собой, или подминаем под себя женщин. Когда бросают старика, все остаются спокойными.

Я ведь не сам оступился: меня подтолкнули, а я не так уж уверенно держался на ногах.

Когда это было?

Что такое – «когда»?

Да ну, все это сон, я просто крепко сплю. Я охотник, я член лучшего во Вселенной звездного экипажа, я из племени Мастера.

Тьфу, это всего лишь сон...

Или:

Это странный человек: кожа его бледна, глаза круглы. Таких нет среди известных нам племен. И язык его, его слова незнакомы и непонятны.

Мы могли бы принять его в племя. Женщину, которая была с ним, мы уже приняли. Но женщины не проходят испытаний. А мужчине придется – чтобы доказать, что он настоящий мужчина, а не притворяется. Сейчас воины готовят испытание, и в круглых глазах я вижу страх. Мужчина не испытывает страха. А если испытывает, то не показывает его другим.

Неизвестно, откуда он с женщиной взялся. До нас и раньше доходили слухи, что где-то начали появляться такие. Очень далеко. На побережье. Мы же – маленькое племя и

живем в лесах. Когда-то мы обитали там, где нет деревьев, но нас оттеснили. Потому что у нас мало воинов. Меньше, чем у других. И еще меньше – женщин. Значит, мало детей, и племя останется слабым. Наверное, скоро вымрет. И мы готовы принять к себе чужака, чтобы он стал одним из нас. Но нужно, чтобы он был мужчиной...

А этот? Он кричит, увидев свою кровь, хотя никто не хочет зарезать его насмерть. Кричит, когда выдирают клочья его спутанной бороды. Кричит, когда предлагают встать на горящие уголья...

Он не мужчина, и не нужен нам. Мы убьем его. Я. Потому что это я увидел и поймал их. И его женщина теперь – моя. У нее будут от меня дети. И мне достанется его скаल्प. У меня много скальпов, к ним прибавится еще один.

Я готов. Но почему он начинает вдруг уменьшаться, таять... И вот – как будто бы его и вовсе не было.

Все смотрят на меня. Сейчас, сейчас я пушусь в погоню. Я найду его следы...

Почему не осталось вокруг никого из племени?

Это мне только снится, наверное. А на самом деле...

Сон. Конечно же, сон.

Люди в глубоком сне не ощущают, как их переносят и кладут в машину. Тяжелую, просторную военную машину с нарисованной на бортах металлического кузова плавно изогнувшейся рыбой с зубастым клювом. Рыба черная, и тарменары – тоже. Гвардия Властелина Изара образцово выполнила задачу.

Горных Тарменаров, спящих так же крепко, переносить не стали.

– А с этими что? – спросил, поведя рукой, Младшее Острие. – Устранить?

– Такого приказа я не получал, – ответил Острие, старший здесь. – Оставь.

– Оружие разрядить?

Но Горные Тарменары – не враги Черных, хотя и соперники.

– Не надо. Нам с ними еще драться вместе. Пусть спят. Поехали. По машинам!

Когда машина с погруженными в бронированный фургон пленниками тронулась, Уве-Йорген на четверть секунды открыл глаза. То же сделали и остальные трое.

И продолжали мирно спать. Или?..

Глава вторая

1

По правде говоря, у историка Хен Гота не имелось серьезных причин для бегства с Ассарта. Да, он немного растерялся: его повелитель, Властелин Изар, был то ли убит, то ли сам, как болтали, удрал с планеты, видя, что война проиграна. Заниматься историей в те дни никто более и не думал: возникли свои собственные проблемы, куда более насущные, чем приобщение к древнему, но чужому роду и даже чем звучный, как золотая ваза, но не спасающий ни от пули, ни от голода титул. Все расползлись, кто куда.

Был только один светлый миг во времени, которое позже представлялось историку сплошным темным пятном. И одна большая забота.

Светом была Леза, в которую он сразу и бесповоротно влюбился, даже не думая о том, ответят ли когда-нибудь ему взаимностью, и уж давным-давно не рассчитывая на близость. Он даже не мог бы сказать, что, собственно, заставило его так тянуться к этой женщине: ее незащищенность? – а выглядела Леза, в особенности после появления на свет ребенка три месяца тому назад, именно такой, постоянно нуждающейся в чем-то покровительстве. Или же то, что она, как ни верти,

принадлежала к ассартским верхам уже по одному тому, что была близка с самим Властелином и родила ему ребенка? А уж кому, как не историку, было знать, что не единожды и не дважды незаконнорожденные принцы, по воле своих отцов или вопреки ей, приходили к власти и правили при полной поддержке армии и всего населения. Они, как правило, были лучшими правителями, чем их предшественники, потому что понимали, что должны своими действиями не только завоевать поддержку, но и надолго сохранить ее вопреки букве закона.

Не было для Хен Гота секретом также и то, что Леза, пока была рядом с Изаром, являлась, по сути дела, его советником. А кроме того – Властелин ведь не отказался от нее, не прогнал; просто обстоятельства сложились против молодой женщины. И опять-таки знание истории – особенно той, скрытой, в какую Хен Гот сейчас только начал углубляться благодаря вывезенным с Ассарта документам Архива Властелинов, – знание этой истории подсказывало ему, что на жизни и карьере якобы неудачницы нельзя было еще ставить точку: слишком рано. Все еще могло измениться к лучшему – для нее и для тех, кто в эти нелегкие времена окажет ей поддержку. А таких близ нее было только двое: Миграт – и он сам, Хен Гот.

На Миграта историк сперва готов был положиться, как на каменную стену: в этом человеке со стальными мускулами легко угадывалась и железная воля. Кроме того, он, похоже,

даже в нынешней дальней дали, на глухой Инаре, обладал какими-то немаловажными связями. Во всяком случае, то он сам исчезал где-то, то к нему приходили люди явно воинского облика, хотя и не в мундирах, но под их кафтанами и хламидами нередко угадывалось оружие; ему также передавали какие-то письма, а порой и сам он что-то писал и отсылал с одним из этих гостей – никогда, впрочем, не остававшихся к столу. Миграт, однако, не выказывал никакого желания использовать Хен Гота для своих дел, никогда ничего не объяснял и не просил; относился к историку скорее как к беспомощному приживалу, терпеть которого заставляют обстоятельства. Хотя иногда Композитору Истории начинало казаться, что он занимает какое-то место в замыслах Магистра – но не сегодняшних, а более отдаленных. Будь Хен Гот в этом уверен, он согласился бы терпеть. Уверенности, однако, не было. Оставалось лишь помогать Лезе на кухне и в таких делах, как купание ребенка и стирка; историк делал это от души, она же принимала как должное, как плату за то, что его приютили и кормили. Это было обидно; но Лезе он простил бы все на свете – пока теплилась еще хоть маленькая надежда на то, что она все-таки оценит его любовь и преданность.

От Миграта историка несколько отталкивало еще и то, что Магистр оказался совершенно равнодушным к вопросам веры, и тут, на Инаре, даже не попытался завести в доме необходимый для всякого истинного ассарита Дом Рыбы – аква-

риум с рыбкой, пусть и не священной породы Руф, здесь они не водились, – но хотя бы с простой рыбкой, так называемой Малой Сестрой, через которую возносимые им молитвы передавались бы Великой Рыбе. Хен Готу пришлось заняться этим самому, и он в конце концов сачком выудил в ручье Малую Сестру и поселил ее в тесной стеклянной банке; после этого у него сразу полегчало на душе. Он молился ежедневно, потом и Леза стала следовать его примеру – но лишь от случая к случаю. Миграт же, увидев, ограничился ухмылкой, да еще пробормотал, как бы между прочим: «Инара – не Ассарт, здесь рыб едят».

Именно это заставило Хен Гота увидеть Магистра в новом свете. Да, не было сомнений: энергичный Миграт оказался не слишком умным; и если поначалу Хен Готу казалось, что вояка, если им умело руководить и направлять его энергию в нужное русло, сможет послужить тем штурмовым танком, укрываясь за которым основные силы (то есть Леза и сам историк) смогут беспрепятственно овладеть нужными позициями, то иллюзия эта оказалась непродолжительной, и воздвигнутый Хен Готом на песке замок стал разрушаться сразу с двух сторон.

Обвал начался, когда, внимательно наблюдая за Мигратом, историк очень быстро понял, что, кроме всего прочего, и сам богатырь вовсе не был равнодушен к Лезе, напротив – питал по отношению к ней самые недвусмысленные намерения и выполнение их вовсе не собирался откладывать на-

долго. Так, во всяком случае, Хен Готу представлялось.

Быть может, он повел бы себя иначе, знай, что событие, которого он опасался, уже произошло, как только позволило состояние Лезы после рождения ребенка, а может быть, и чуть раньше того: уж очень нетерпелив был Миграт. Произошло в первый и последний раз. Хотя Леза вовсе не собиралась противиться: понимала, что от нее этого потребуют, знала, что перед Магистром в долгу – да и в конце концов он ей вовсе не был противен. А долго живший в ней страх перед человеком, однажды чуть было не ставшим насильником, успел выветриться. Не исключено также, что где-то в подсознании насилие было ей даже приятно. Но когда, услав историка из дома по какому-то мелкому делу, Миграт приступил и она отдалась ему – к обоюдному разочарованию оказалось, что друг к другу в этом отношении никак не подходили: она испытала лишь боль, никак не наслаждение, у него тоже возникло ощущение неудовлетворенности. Природа не сулила им быть любовной парой. С той поры они не пытались сблизиться. Зато другие интересы заставляли их держаться вместе. Так что внешне все оставалось по-прежнему.

Историк же этого не знал и, обдумав положение, наконец понял, что соперничать с Мигратом в глазах женщины не в силах: тут, в изгнании, брат Изара, как уже сказано, один и содержал всю компанию, и помогал жить без столкновений со здешними властями. Используя своих подозритель-

ных приятелей или же каким-то иным, неизвестным Хен Готу способом, он ухитрился получить для всех троих разрешения на проживание – хотя и без права официально заниматься какой-либо деятельностью. Возможно, и сам историк мог бы добиться того же хотя бы для себя, обратиться он в научные учреждения и должным образом представившись; но он не решился на такой шаг: подумал, что и до этих отдаленных краев скопления могли докатиться вести о нем, как об авторе Новой Ассартской Истории; это вряд ли послужило бы ему на пользу. А вот Миграт не боялся никаких пересудов и даже обвинений, словно чувствовал за собой некую неодолимую силу. В этом, по-видимому, и заключалось его преимущество.

Источник этой силы и уверенности Миграта в себе стал ясен Хен Готу, когда он принялся, в свободное от кухни и ребенка время, серьезно разбираться с архивом Властелинов, вернее – с той малой его частью, которую он, покидая Жилище Власти в Сомонте, наугад захватил с собою. Теперь он жалел, что оставил там слишком многое; но и среди взятого нашлось немало интересного. Так, например, оказалось, что Миграт и сам был Ублюдком Власти; теперь этот слух нашел документальное, неопровержимое для историка подтверждение. Дальше вступала в действие простая логика: Миграт увез женщину и то, что она тогда уже носила в себе, ради того, чтобы постоянно держать под контролем будущего конкурента, а возможно, если потребует, уничтожить

обоих. Допускал Хен Гот также и другую возможность: претендент мог пользоваться ребенком Изара как заложником, чтобы получить, во-первых, гарантированную безопасность, а во-вторых – быть может, и определенные права, вплоть до совластительства; своих детей у него, как знал историк, не было, так что независимо от того, кто из братьев переживет другого, наследовал бы так или иначе сын Изара.

Теперь становилось куда яснее, зачем понадобился Миграту и сам Хен Гот. Историк решил, что претендент намерен использовать его не просто для документального обоснования своих прав на какой-нибудь из самых значительных донкалатов Ассарта и соответствующий титул в Новой Истории. Сейчас, выяснив происхождение Миграта, историк понял, что этот корабль готовится к куда большему плаванию. Скорее всего Хен Готу придется обосновывать уже права на самое Власть – отыскивая в подлинной истории подобные прецеденты и опираясь именно на них. Наверное, еще в детстве незаконнорожденному принцу приходилось слышать такого рода слухи: наверняка его мать интересовалась такими проблемами. Хен Гот знал, что как только Миграт прикажет ему заняться этим вопросом, он и начнет делать нужную претенденту работу – хотя бы потому, что побоится отказаться: здесь он находился целиком во власти Миграта, тот мог даже убить его – и местные власти вовсе не стали бы вести розыск: ассариты оставались на Инаре всего лишь нежеланными пришельцами.

Обосновывать же права Миграта на Власть Хен Гот не хотел. Изару он был обязан не только своим положением в обществе. Он был благодарен Властелину – и это главное – за возможность по-настоящему заняться наукой, позволяя себе даже не думать о ее политических приложениях. Поэтому мысль – оказаться предателем своего покровителя и чуть ли не друга – была для Хен Гота глубоко противна. Второй причиной было то, что в Миграте историк видел соперника в отношениях с Лезой, с которой он, Хен Гот, был ведь уже близок, пусть и один-единственный раз; не было дня, чтобы он не помнил об этом. Миграт же, по убеждению мечтателя, намерен был завоевать Лезу, чтобы воспользоваться ею в своих политических целях: владеть ею означало – владеть ее сыном, а это обладание позволило бы Миграту разговаривать с Изаром с позиции силы.

Хен Готу, естественно, ничего не было известно о планах Жемчужины Власти на сей счет; да если бы и было – от таких предположений он отмахнулся бы: в конце концов, наследование в Ассарте шло по мужской линии, и не ребенку какого-то бродяги было претендовать на великую Власть. Так что этих обстоятельств он в расчет не принимал. Ему смутно помнилось, правда, что в оставленной на Ассарте части архива были какие-то документы, позволявшие поставить это правило под сомнение. Однако бумаги, вероятнее всего, уже не существовали более: положение на планете в дни, когда Хен Гот покидал ее, говорило о том, что там вообще мало

что и мало кто уцелеет.

Впрочем, историк, которого события последних месяцев сделали достаточно осторожным, возможно, еще очень долго не решился бы на поступок, если бы не последний разговор с Магистром, окончательно расставивший все точки над і.

Миграт, похоже, вернулся домой несколько навеселе. Иначе он вряд ли обратился бы к историку с такими словами:

– Ну как – не надоело тебе бездельничать? Так можно и совсем отвыкнуть от настоящей работы, а?

– Я готов, – поспешил заявить Хен Гот.

– Это славно. Ты там все копаешься в бумажках...

Хен Гот лишь пожал плечами, да и что тут можно было возразить. В этом ведь и заключалась главная его работа.

– Может, в этом и есть смысл, – признал Миграт. – Ты ведь многое знаешь о других мирах? Ну, об их прошлых делах, о традициях и всем прочем, верно?

Историк почувствовал себя уверенным, каким давно уже не ощущал:

– Это моя профессия.

– Тогда скажи: ты ведь привез на Ассарт, кроме прочего, чужие традиции. А пригодные среди них есть?

– Н-ну... Что значит – пригодные?

– Например, такие: у нас на Ассарте никогда еще народ не свергал Властелинов. Не отправлял, так сказать, в отставку. И потому нет такой традиции. А у других миров?

Хен Гот ответил уклончиво:

– Наверное, есть... Не помню. Конечно, если поискать...

– Вот и поищи, – сказал Миграт повелительно. – И вспомни как следует. Наверняка хоть где-то такие примеры есть. Вот они мне и нужны. Со всеми обоснованиями.

– А... зачем? – не смог удержаться от вопроса историк.

– Затем! – ответил Миграт кратко. Встал, потянулся.

– Устал. Пойду спать...

Вот, значит, как. Многое стало понятным для Хен Гота после этого краткого разговора. И побудило действовать.

Составив свою, достаточно логичную картину происходящих событий и расстановки сил, Хен Гот понял: если он не хочет стать предателем и содействовать Миграту в осуществлении его замыслов, остается только одно: бежать, пока претендент его ни в чем не заподозрил. Собраться самому ему было недолго; но он хотел не только совершить побег, но и забрать с собой самое дорогое: Лезу и архивные документы. Оказавшись на Ассарте и доставив Изару и то и другое, он смело мог рассчитывать на самое высокое вознаграждение; он имел в виду, конечно же, не деньги.

С бумагами было проще: беспрепятственно работая с ними, он сумел отобрать все то, что представляло в этой обстановке подлинную ценность, – по тому, что ими при случае мог бы воспользоваться Изар, а еще более по той причине, что ими больше не смог бы воспользоваться Миграт. Бумаги эти, бережно им уложенные и упакованные, легко умещались в небольшом чемоданчике. Куда сложнее оказалось

с женщиной. Он опасался в разговоре с нею называть вещи своими именами; а все попытки возбудить в ней какие-то подозрения или сомнения в целях и замыслах Миграта пресекались Лезой в самом начале: походило на то, что Магистру каким-то образом удалось очаровать неопытную женщину, и она теперь доверяла ему безгранично – хотя никакой любовной подоплеки этого вроде бы не существовало; да, женщина была полностью на стороне Миграта, что же касается того, что произошло между нею и Хен Готом той ночью в архивной комнатке, – историк продолжал уверять себя в том, что Леза то ли на самом деле не помнила об этом, то ли усилением воли приказала себе забыть навсегда – а может быть, вообще не придавала случаю никакого значения; женская психика оставалась для историка тайной за семью печатями, опыта в любовных делах у него не было совершенно никакого, даже теоретического, поскольку события, происходившие в этой области в истории, как правило, не документировались и найти их в архивных описях было просто невозможно. Сам же он с ранней молодости почему-то опасался походов, в которых могли оказаться замешанными женщины.

И тем не менее он не мог и не желал просто так взять и отказаться от своей мечты о ней, от своей любви. Он вовсе не замечал – или, следуя ее примеру, запретил себе замечать, что разрешение от бремени, хотя и происшедшее вполне благополучно, не пошло Лезе не пользу: она, казалось, совсем перестала следить за своей внешностью, все силы и вни-

мание отдавая ребенку; одевалась кое-как и по сравнению с той, какой была на Ассарте, утратила большую часть привлекательности, которая, как известно, у женщин зависит не только и не столько от природных данных, сколько от ухода за собой. Но историк не видел этого; что удивительного: он смотрел на нее глазами влюбленного. Интересно, однако, что и Миграт как бы не видел изменений в ней – или не придавал им никакого значения.

Так или иначе, историк хотел, чтобы Леза была с ним. И не сразу, но все же решился на крайние, по его представлениям, меры.

Хен Гот дождался случая, когда Миграт в очередной раз предупредил, что вернется только завтра; такое повторялось достаточно часто, и остающиеся дома уже привыкли к тому, что возвращается он живым и здоровым и, похоже, в неплохом настроении. Историк подозревал, что Магистр навещал доступных женщин, не осмеливаясь требовать подобных услуг от Лезы; но то были одни подозрения. Вечер без Миграта прошел, как обычно: ребенок, домашние дела, снова ребенок, небогатый ужин, любование спящим ребенком (по мнению Хен Гота, он был обычным младенцем, похожим на любого другого, но он старался не выказывать своего впечатления) и, наконец, отход ко сну и тушение огней. Одним словом, как всегда.

После того как все затихло, Хен Гот выждал еще с полчаса. За это время он дважды принимал решение – не пытаться, и дважды отменял его. Наконец поднялся и, стараясь ступать бесшумно, вошел в ту комнатку, где спали ребенок и Леза. Постоял, прислушиваясь. Она ровно дышала. Он, все еще колеблясь, подошел к постели. Осторожно присел. Кровать скрипнула. Леза не проснулась; она вскакивала только на плач ребенка, высыпалась плохо и посторонние шумы ее не беспокоили. Историк глубоко вздохнул, решил-ся и лег рядом с женщиной, поверх одеяла. Она не пошеве-

лилась. Лежала спиной к нему, на левом боку. Он положил руку ей на грудь. Медленно сжал пальцы. Она не могла не почувствовать этого. И почувствовала. Повернулась на спину. Безумея, Хен Гот рванул одеяло и навалился на женщину. Теперь уже ничто не могло бы остановить его, никакие понятия о приличии, никакая мораль. Леза пыталась сопротивляться; но все-таки он был сильнее. Чувствовал, что она уступает. Сейчас! Ну! Ну же!

Леза схватила его за горло и начала душить. Пальцы ее оказались неожиданно сильными. Ему пришлось удерживать ее руки. Хен Гот хотел прошептать что-то ласковое, но воздуха не хватало, он ощутил, что начинает задыхаться. Голова затуманилась. Он испугался. Кажется, Леза и в самом деле не желала его. Он уже не думал об обладании, но хотел лишь оторвать ее пальцы от горла. Чувствовал, что слабеет. Захрипел. Сознание почти отключилось.

Кажется, и она пришла в себя. Пальцы разжались. От сильного толчка ногой он упал с кровати. Странно: при этом он испугался, что может пробудиться ребенок. Так и получилось: младенец захныкал сквозь сон. Хен Гот поднялся и, придерживаясь за стены, выбрался из комнаты.

Остаться тут было более нельзя; он понял это, как только в голове восстановилась ясность. Надо было уходить. Из дома. Из города. С этой проклятой планеты.

Все, что он мог взять с собой, было в два счета собрано, и Хен Гот, не прощаясь, выскользнул из дома. Теперь у него

была одна дорога: в космопорт, и оттуда – домой, на Ассарт.
А там – будь что будет.

3

Начав реализовывать свой план, историк сразу же понял, что отсутствие рядом с ним женщины было к великому благу: даже одному ему, отягощенному лишь тощим мешком с одеждой и чемоданчиком, заключавшим в себе бесценные документы, да еще баночкой, в которой плескалась золоти-стая Малая Сестра, придется изрядно помыкаться, прежде чем удастся наконец покинуть не очень-то гостеприимную Инару.

Уже сам путь к космопорту оказался достаточно трудным: хотя Хен Готу удалось негласно позаимствовать у Миграта немного наров, здешних денег, он не рискнул потратить хоть малую толику их, чтобы нанять машину и без забот доехать до космогородка, где были расположены единственные на этой окраинной планете посадочные комплексы: обширный торговый и куда более скромные военный и пассажирский.

Так что большую часть пути пришлось проделать пешком, идя не по дороге, а опушкой леса, параллельно магистрали: Хен Гот боялся, что, обнаружив его отсутствие, Миграт кинется в погоню и схватит его еще на дороге. (На самом деле Магистр, занятый своими делами и заботами о Лезе, лишь на третий день рассеянно спросил у молодой женщины: «А где наш дармоед? Что-то я его не вижу». И услышав в ответ неопределенное: «По-моему, он сбежал», выразил свое

мнение единственным, хотя и емким словом: «Придурок», и больше к этой теме не возвращался.)

Правда, на второй день своего анабазиса Хен Гот осмелел настолько, что добрую половину пути проделал на пригородном поезде – без билета, разумеется.

Но то были лишь цветочки.

Проникнув в конце концов на пассажирский вокзал, историк без труда установил, что, к сожалению, прямого сообщения с Ассартом у Инары сейчас не было – да и никогда не бывало. Слишком уж далеки были эти миры – и территориально, и по уровню и интересам. Инара по сравнению с любой планетой скопления Нагор отставала едва ли не на целую эпоху, на ней паровозы еще топили дровами, космогородок – единственный – был построен на средства других миров, заинтересованных в вывозе отсюда трипротина, чья добыча и производство были до такой степени вредны, что развитые соседи предпочитали и заводы здесь строить за свой счет, и сообщение поддерживать – только бы не разрушать вконец собственное жизненное пространство. Ассарт же к числу этих миров не относился, поскольку от использования трипротина отказался еще при старом Властелине, когда выяснилось, что применение его может дорого обойтись последующим поколениям.

Итак, прямого сообщения с Ассартом не было вообще никакого, а с теми четырьмя мирами, что таким сообщением пользовались, связь осуществляли только транспортные ко-

рабли, на каждом из которых имелось где две, где три или даже четыре тесных каютки. В них на Инару прибывали, в случае необходимости, инженеры или ревизоры, короче – представители компаний, владевших здешними рудниками, заводами и самими кораблями, разумеется. Однако эти корабли садились на торговом комплексе, а эта территория, в отличие от пассажирской, охранялась частной полицией, мордастой, вооруженной и несговорчивой – во всяком случае, не Хен Готу с его мизерными ресурсами было их уговаривать. Так что громкое слово «Космопорт», с которым у историка связывалось представление о сверкающих – титан и стекло – многоэтажных корпусах с кассами, гостиницами, барами, ресторанами, видеозалами и даже театром, с множеством кораблей самого разного облика, стартующих и прибывающих, с широко раскинувшимися стоянками наземного транспорта, с аграпланами, бесшумно взвивающимися с крыш, и прежде всего с великим множеством людей – прибывающих, улетающих, встречающих и провожающих – и, конечно же, обслуживающих, – здесь оказалось совершенно неприменимым.

Слово это в его инарианском пассажирском толковании означало, как Хен Готу пришлось убедиться, длинный, приземистый каменный сарай без окон, зато со множеством торчавших из крыши вентиляционных труб и единственными въездными воротами из тонких досок, некогда окрашенных, – в отличие от въезда в торговый комплекс, преграж-

денного створками, на которые не пожалели железа; впрочем, может, то была и броневая сталь. Хозяева торгового комплекса и его содержимого, видимо, понимали, что уровень воровства не находится в прямой зависимости от уровня цивилизации, поскольку последняя существует лишь местами, воруют же везде.

Из увиденного историк у сразу же стало ясно, что якобы пассажирское строение никак не годилось для людей, но было просто кладовой, где, видимо, хранились механизмы, предназначенные для обслуживания пассажирских кораблей, – когда они бывали. Здание охранялось, хотя далеко не так серьезно, как каменные и железные пакгаузы торговой части: тут Хен Гот насчитал всего лишь троих вооруженных стражей в униформе, напоминавшей донельзя выношенную военную.

Люди же, не носившие ни формы, ни оружия, были заметны в малом числе совсем в другом месте, у дачного типа двухэтажного домика, коего первый этаж был сложен из кирпича, второй же оказался бревенчатым. Там, как выяснилось, размещалась контора пассажирского транспортного предприятия с очень немногочисленным персоналом, двумя телефонами, украденными, наверное, из антикварной лавки, зато с наглухо заколоченной билетной кассой: похоже, о билетах здесь давно забыли, точно так же, как и о самих пассажирах: все люди, по местным убеждениям, делились на прилетающее и улетающее изредка цивильное начальство (воен-

ное пользовалось своей частью городка) – и на всех прочих, кому летать было некуда и незачем.

И, что самое плохое, подобное отношение к пассажирам было, видимо, совершенно обоснованным: на небольшом стартовом пятачке, рассчитанном на один-единственный корабль, сейчас не было не только этого единственного, но и вообще никаких признаков, какие указывали бы, что этим устройством пользовались в исторически достоверном прошлом.

Все это было тем более обидно, что на старт-финише торгового комплекса жизнь была ключом: на глазах историка на протяжении менее чем часа один транспорт среднего тоннажа стартовал, другой, того же класса, сел – а еще три находились под погрузкой, и в их открытых грузовых люках один за другим исчезали круглые контейнеры с пресловутым трипротином. Но проникнуть на торговую территорию не представлялось возможным: проволочный, в несколько рядов, забор был прозрачным для взгляда – никак не для плоти.

Хен Гот все же попытался. Нет, не лезть на проволоку, разумеется. Все-таки он был цивилизованным человеком. Он вновь вышел на дорогу, приблизился к броневым воротам, перед которыми стояли двое с оружием наизготовку, прошел мимо, стараясь даже не смотреть в ту сторону, и в некотором отдалении залег в канаву. Расчет оказался правильным: примерно каждые полчаса по дороге проезжали тяжело нагруженные грузовики, на диво современные, явно не на Ина-

ре сделанные; это подвозили товар, тот же трипротин скорее всего. Перед воротами машины проверялись достаточно тщательно. И все же следовало, по-видимому, рискнуть: иного пути он не видел.

Намерений, однако, бывает недостаточно, нужно еще и умение. А его-то у историка и не было. Он попытался было забраться сзади под брезент, которым был накрыт груз очередной машины, когда она остановилась для досмотра. Но не смог сделать даже и этого: его заметили, вытащили за шиворот. Он подумал, что сейчас его убьют. Или, быть может, арестуют и начнут допрашивать с пристрастием. Но оказалось, что даже такого уважения он не достоин: ему просто поддали ногой, и он растянулся на пыльной дороге, встал и захромал прочь, не сдерживая слез обиды.

И не только боль и унижение заставили его плакать, но явная несправедливость судьбы. А именно то, что как раз в то время, когда стражи ворот столь пренебрежительно обошлись с ним, мимо них прошла какая-то женщина – и беспрепятственно, никем не остановленная и не досмотренная, оказалась на территории торгового комплекса. Красивая женщина в полетном комбинезоне, с непокрытой головой, просто прошла, ни на кого не глядя, – и все. Обычная, да; только, может быть, странным образом просвечивавшая насквозь? Хен Гот помотал головой: вероятно, у него уже начинались галлюцинации. Отряхиваясь от пыли, он еще с полминуты глядел ей вслед, пока не сообразил наконец, что

ворота ведь еще не успели открыться, – выходит, она прошла сквозь них? Нет, то была, разумеется, чистой воды галлюцинация, не более.

Пришлось вернуться на пассажирскую территорию – открытую для всех по причине полной ее бесполезности.

У Хен Гота просто опустились руки. Вблизи дощатого ларька, в котором продавалась немудреная снедь и мерзкое пиво, почему-то пахнувшее мылом, – ларьком этим и заканчивался перечень строений инарианского космопорта, – историк не то чтобы понял, скорее догадался, мучительно вслушиваясь в разговор двух пивных бурдюков (именно так он определил для себя клиентов ларька), что прибытие ближайшего по времени корабля из мира Шорк ожидается где-то через неделю. Впрочем, он не был уверен, что понял правильно, язык был все-таки очень далек от ассартского, хотя некоторые корни явно имели то же происхождение. Поедая купленную в ларьке булку из муки грубого помола с куском колбасы, о происхождении которой он постарался не думать, Хен Гот решал дилемму: пуститься ли в обратный путь и просить прощения у ненавистного ублюдка (это обещало продолжение какой-никакой, но все же жизни) – или просто умереть. Совершенно неприемлемой была мысль, что его покаяние будет происходить на глазах у Лезы; нет, он не мог пойти на столь крайнее унижение, после которого и во все перестанет значить хоть что-то в ее глазах.

Лучше уж умереть; тогда она хоть изредка станет вспоми-

нать о нем, как о гордо ушедшем после того, как она отвергла его любовь, – и погибшем в неравном сражении с грубым бытием.

Умереть, кстати, можно было и здесь, для этого не требовалось заново переживать все трудности обратного пути.

Как именно умереть? Это показалось ему очень простым: стоит только, когда решение окончательно созреет, гордо и открыто двинуться на охранников торгового комплекса – и они, без сомнения, на этот раз откроют огонь и убьют его, а он, умирая, в последний раз выговорит немеющими губами ее имя.

Был и другой способ: просто умереть с голоду. И, откровенно говоря, историк вначале остановился именно на нем: ему подумалось, что такой образ действий будет и менее болезненным, и более верным: охранники ведь могут и не убить, а просто ранят, а что потом? Может быть, установят его личность – и это приведет к неприятностям для Лезы? Нет, риск был слишком большим.

Значит, смерть от голода, решил он. И после булки с колбасой не стал покупать уже ничего.

Он нашел местечко в пыльном кустарнике близ пивного ларька и залег там, подложив под голову чемоданчик с архивом и пристроив банку с Малой Сестрой. Вечером уснул, но перед рассветом проснулся оттого, что очень хотелось есть. Чтобы отвлечься, он начал думать об истории – о том, как он стал бы убеждать Властелина отказаться от идеи Новой

Истории и обратиться к истории Подлинной, которая – Хен Гот все более в этом убеждался – была ничем не хуже, хотя, может быть, по свойственной ассаритам лености и отсутствию любознательности не была столь изукрашена всяческими арабесками и прочими прибабасами, как это сделали со своим тощим прошлым иные, часто куда как более молодые миры. Думалось хорошо, голова была свежей. Две булочки с колбасой назад... Да нет, одернул он сам себя, две эпохи назад я имел в виду, именно эпохи! Булочки с колбасой – надо же! Фу! Итак, две бутылки пива тому назад...

Как-то незаметно он задремал. Снилось ему еда. А когда проснулся, то с ужасом обнаружил, что Малая Сестра исчезла из банки. Только трогательный хвостик ее и длинные плавники валялись рядом с ним в траве. Не было сомнений: он съел ее во сне, даже не сознавая, какое страшное деяние совершает...

Он подумал, что воистину больше не заслуживает жизни. Но смерть от голода оказалась, как он понял, вовсе не простой. Может быть, для того, чтобы достойно окончить свою жизнь, нужно было сперва как следует поесть? Идея заслуживала внимания. Он с трудом дождался минуты, когда ларек открылся. Булочка оказалась вчерашней, колбаса обрела еще какой-то дополнительный оттенок запаха, но историк сызмальства знал, что наука требует жертв, и съел все без остатка.

Это помогло ему спокойно дожить почти до вечера второ-

го дня на космопорте. Однако чем дальше, тем больше одолевали мысли о невозможности такой жизни. Может быть, он и в самом деле пошел бы на сей раз в прямую атаку на склад; но внезапно сообразил, что если своей жизнью волен распоряжаться, как угодно, то вот драгоценный архив никоим образом не должен был пропасть. Долг ученого требовал, чтобы историческое достояние Ассарта вернулось на родину; там раньше или позже с ним разберутся. Жаль, что он не подумал об этом своевременно: тогда он оставил бы бумаги Лезе и ушел без них. Но теперь о возвращении речи не могло быть. Умереть и оставить чемоданчик тут? Неприемлемо: в лучшем случае в древние документы станут завертывать все ту же колбасу. Что предпринять?

Наконец он нашел единственный выход. Любой ценой надо дождаться корабля. И если не удастся пробраться на борт самому, то хоть передать документы – капитану или кому-нибудь еще из тех, кто имеет доступ в открытый мир. Заверить, что на Ассарте бумаги эти стоят огромных денег, надо только их туда доставить. Вот тогда уже можно будет и спокойно расстаться с жизнью.

Так он решил; и судьба, похоже, в ответ сжалилась над ним: неожиданно не только для него, но и для большинства обитателей космопорта на поля опустился корабль.

Он не походил на торговый или транспортный; даже Хен Готу, с его скудными познаниями в этой области, стало ясно, что машина относится к классу частных, хотя и далеко не

самых мощных. И прилетела она сюда вовсе не за тем грузом, что через каждые полчаса привозили в склад отчаянно дымившие и лязгавшие грузовики. За проволочным забором вооруженные охранники все так же размеренно расхаживали по своим дорожкам.

Когда открылся люк и вывесили сходной трап, по нему спустились двое. Сумерки помешали историку различить, какую они носили форму, а также – чьи же опознавательные знаки носил сам корабль. Однако это сейчас не было главным: корабль наверняка принадлежал какой-то из высокоцивилизованных держав, вот что являлось важным.

Двое прилетевших уверенно проследовали в контору. Хен Гот приблизился к домику, сжимая в пальцах ручку чемоданчика. Как только они выйдут оттуда, он попытается – нет, он обязательно вручит документы одному из них и попробует объяснить, как ими нужно распорядиться. Историк заготовил уже по паре фраз на тех нескольких языках, какими в той или иной степени владел. Двое вышли; они приближались к нему в наступившей темноте, и он набрал уже в грудь воздух, чтобы заговорить, – и не сказал ни слова: два человека перебрасывались отрывистыми фразами – и язык, на котором они говорили, был ассартским!

- Сколько ему нужно времени? – спросил один.
- Сказал, что прибудет завтра утром.
- Ему нужна помощь?
- Просит прислать машину – для экономии времени.

– Пошлем?

– Конечно. Элот съездит...

Они прошли мимо, даже не заметив историка. Он выдохнул воздух. Дав им отойти десятка на полтора метров, последовал за ними, стараясь не шуметь. Он лихорадочно думал. Что предпринять? Ассартский корабль – невероятная удача, но... Подойти и попроситься, чтобы отвезли на родину? Они бы наверняка согласились, сумеет он удостоверить свою личность, но сейчас он – оборванец без личных документов, а что у него с собой Архив Властелинов – ну что понимают в этом солдаты, да даже и высшие офицеры, найдись они здесь? Кто из них сможет разобраться в тексте на старо-ассартском? Никто. Новая мысль возникла. Ассартский военный корабль, ассартский экипаж – но сейчас это вовсе не означает, что команда его – сторонники Властелина: слишком много непонятого творилось сейчас в великом Мире, вот и между Бриллиантом и Жемчужиной не было дружбы – а что успело там произойти за то время, что Хен Гот без толку терял здесь? И если он откроется перед прилетевшими – не приведет ли его поступок к плачевному результату?

Зачем прилетел корабль, историку казалось ясным: он знал, что не было в скоплении Нагор такого мира, в каком Ассарт не имел бы своей разведывательной сети, достаточно разветвленной. Руководители этих сетей, резиденты, время от времени вызывались на Ассарт – для участия в разработке нового этапа разведывательной тактики и стратегии

или для дополнительной подготовки. Если резидент не имел возможности добраться до Ассарта самостоятельно – например, находился в подполье, – то за ним высылали корабль: на разведку ни один Властелин денег не жалел. Вероятно, была своя сеть – или сеточка хотя бы – и на Инаре, и за ее главой и прилетели эти люди. Но кто сейчас контролировал разведку – Изар, Ястра или еще кто-нибудь – историку было неизвестно.

Нет, открываться было бы неразумно.

Но корабль простоит здесь всю ночь. Ночи здесь – он уже успел испытать это на себе – достаточно длинны. И если корабль будет охраняться не слишком тщательно...

Великая Рыба, пусть он охраняется кое-как – или вообще не охраняется: ну кого им тут бояться!

И снова его просьба оказалась, похоже, услышанной. Залегший в двух десятках метров от корабля, Хен Гот видел и слышал, как на борту постепенно все стихло, люк остался открытым, оттуда к трапу была вынесена тусклая переносная лампочка, а на нижней ступеньке уселся один из членов экипажа. Он курил, плевал, зевал, раз-другой вставал и обходил корабль – чтобы не уснуть, вероятно. Потом задремал. Наверное, можно было попытаться проскользнуть по трапу мимо вахтенного; но историк не решился. Он хотел действовать наверняка. И дождался третьего обхода. Он уже знал, что обход широко раскинувшего амортизаторы корабля занимает у медленно ступающего вахтенного почти четыре минуты. Хен Готу хватило и полутора, чтобы бесшум-

но подняться по трапу и, не касаясь лючины, протиснуться внутрь.

Там было тихо; все, наверное, спали. Только время от времени какие-то приборы или механизмы издавали негромкие жужжащие или щелкающие звуки. Вполнакала горели редкие плафоны. Историк поднимался все выше, потом остановился: вспомнил, что основные служебные помещения в кораблях располагаются обычно в верхней, носовой части, главные механизмы – в середине, а вспомогательные – внизу, ниже даже, чем сходный люк, всякие кладовушки, в общем, – гадюшники. Там и следовало ему затаиться – во всяком случае, до поры, когда станет ясно, на чьей же стороне корабль. А может быть – и до самого Ассарта. Он не сомневался, что они полетят именно туда. Но оказаться в любом из развитых миров тоже было бы куда лучше, чем гнить на Инаре...

Хен Гот разыскал, наконец, нужное место. Для этого пришлось спуститься мимо люка вниз (он выглянул осторожно; вахтенный снова сидел внизу трапа и курил) и обнаружить узкое, вроде пенала, помещение, где хранились крупногабаритные детали: насколько он мог понять – запасные трубы к амортизаторам. Они-то в полете уж никак не понадобятся, такой ремонт, если он нужен, проводится на стоянках. Пачкаясь в консервационной смазке там, где предохранительный пластик был прорван, Хен Гот забился в самую глубину. Там оказалось возможным улечься, даже вытянуть ноги.

Слабый свет, который удалось зажечь, щелкнув выключателем, историк погасил. Пожалел, что вовремя не закупил на все остававшиеся деньги булок и колбасы; но теперь он был готов и поголодать. Знал, что полет – через сопостранство – продлится не так уж долго. Согреваясь, закрыл глаза и перед тем, как уснуть, мысленно с немалой иронией попрощался и пожелал спокойной ночи Миграту, от которого удалось все-таки освободиться и которому предстояло еще неизвестно сколько времени догнывать на Инаре. И уже без всякой насмешки пожелал добрых снов милой Лезе и рожденному ею ребенку, надеясь, что с ними все будет в порядке.

4

Проснулся он уже утром. Разбудили его громкие голоса, раздававшиеся внутри корабля, на трапе:

– А они уверены, что это именно он? Не могли обозначаться?

И в ответ:

– Они прекрасно знают его, Рубин Власти!

– Тогда надо торопиться!..

Историку стало не по себе.

Он узнал этот второй голос: то был один из ходивших звонить по телефону. А первый из голосов, казалось, звучал в его ушах всю жизнь: то был ненавистный голос Миграта.

Вот за кем, значит, прилетел корабль.

Магистр возвращался на Ассарт. Видимо, ему привезли важные сведения.

Разговор между тем продолжался:

– Даме нужна отдельная каюта?

– Нет. Мы с нею и ребенком поместимся вместе.

И голос Лезы:

– Да, только вместе.

Отвергнув историка, она тут же уступила разбойнику?

Тут же послышалось и мяуканье младенца.

Потом по трапу затопало множество ног. Похоже, что Миграт вез с собою целое войско. Наверное, тех, кто навещал

его в домике на Инаре?

Все получалось не так...

Может быть, все-таки стоило умереть с голоду?

Он не умер, хотя отощал изрядно и был голоден, как стая зимних волков.

Куда мучительнее голода был страх, который ему пришлось пережить сразу после того, как амортизаторы корабля коснулись ассартской земли.

Вместо если не приветствий (которых Хен Гот и не ожидал) или хотя бы нормальной тишины, за бортом корабля слышались крики, похожие на команды, а затем и выстрелы.

Всем пришлось покинуть корабль через нижний, грузовой люк. Благодаря темноте, пассажирам удалось скрыться, пока экипаж и, видимо, сопровождавшие Миграта люди завязали бой с неизвестными, атаковавшими корабль.

Невзирая на охвативший историка ужас, у него достало терпения обождать, пока и Миграт, и Леза (за время полета он дважды слышал ее голос), и большинство членов команды покинули корабль, и только тогда историк рискнул выбраться из своего убежища.

И вовремя: не успел он отбежать и на сотню метров, как корабль взорвался. Воздушной волной историка швырнуло на землю. К счастью, серьезных повреждений он не получил.

Даже после этого он не стал рисковать и дождался, пока пространство вокруг обломков корабля не опустело. Показываться в таком виде на людях было бы слишком рискован-

но. Его задержал бы первый же заботник.

Наконец ему удалось выбраться за пределы посадочного поля. Корабль сел на одном из трех военных космопортов, располагавшихся треугольником вокруг Сомонта и являвшихся частью противодесантной системы столицы. Разрушения здесь были небольшими. До города можно было добраться пешком, учитывая, насколько он устал и ослабел от голода, дня за три, не раньше, а то и за четыре. Машин вокруг не было видно; да и будь они – он в таком виде не решился бы просить, чтобы его подвезли. Что же: придется идти, питаясь тем немногим, что ему удалось, перед тем как покинуть корабль, найти и украсть на опустевшей корабельной кухне. Главное – дойти до города, сохранив документы. А там... Может быть, что-нибудь еще уцелело в его, композиторских, покоях? А если не там, то хотя бы на старой квартире, где он обитал, будучи еще простым учителем.

Глава третья

1

Время было беспокойным. И покидать самое надежное место в Сомонте и на всем Ассарте было для Властелина по меньшей мере неосторожным. Когда капитан Черных Тарменаров осмелился намекнуть на это обстоятельство, Изар ответил лишь:

– Мир должен видеть Властелина, Властелин должен видеть мир собственными глазами.

Капитан не осмелился возразить.

На самом деле причины, побудившие Властелина покинуть надежные стены своего Жилища и подвергнуть себя возможным неприятностям ночного путешествия, были намного сложнее. Безопасность поездки, пусть и совершавшейся под надежной охраной Черных Тарменаров (чья преданность Изару и прекрасная выучка не вызывали ни малейших сомнений), была вовсе не гарантированной. Поэтому Изар вряд ли пустился бы в путь лишь ради желания увидеть своими глазами, как обстоят дела в стране, только что пережившей никем не предусмотренные неприятности войны, когда ей неожиданно пришлось выступить в роли обороняющегося, а не атакующего. Изар и так достаточно хоро-

шо представлял себе положение вещей. И хотя именно так он изложил повод для своего неожиданного отъезда Ястре, остававшейся на время его отсутствия, пусть и чисто формально, законной распорядительницей Власти, – подлинные мотивы срочной поездки ничего общего с государственным любопытством не имели.

– А кроме того, – добавил Изар, – не вы ли докладывали мне, что Службой наблюдения замечено прибытие на планету самое малое шести кораблей?

– Семи, Бриллиант Власти, – осторожно поправил офицер.

– Из которых вы смогли захватить только один – и то от него остались лишь обломки, не так ли?

– Они взорвали его сами, Властелин, – когда поняли, что не могут скрыться. Но этот корабль сел близ Сомонта, прочие же приземлились где-то далеко – на северо-востоке.

– Кто же были эти – они?

Капитан не сразу ответил:

– Как я уже докладывал: мы захватили только трупы. Большинству удалось скрыться.

– Вот именно. Это – корабль, совершивший посадку на пригородном космодроме.

– Так точно. Из-за этого взрыва посадочный комплекс пришел в негодность...

– Это небольшая беда: у нас-то кораблей все равно нет. А вот второй, насколько я помню, опустился неподалеку от

нашей Летней Обители?

– Уже высланы патрули для обнаружения и выяснения обстоятельств.

– Надеюсь, что у них что-то получится. А прочие, вы говорите, снижаются на северо-востоке?

– Они садятся далеко – в лесах.

– Точнее – на территории донкалата Самор, я прав?

– Мы так и докладывали Бриллианту...

– Не беспокойтесь, капитан, я помню. А вы не забыли, что именно там донк Яшира увел в леса людей? Десант так и не смог проникнуть на их территорию. Стыдно сказать, капитан, но то была едва ли не единственная удачная военная операция с нашей стороны.

Капитан предпочел промолчать.

– И вот теперь он даже принимает чьи-то корабли. А о чем это говорит?

– Значит, их космокомплекс в порядке, – произнес капитан.

– Это – деталь... Это говорит о том, капитан, что донк Яшира в Саморе располагает единственными серьезными силами, какие мы смогли бы использовать против... против любой угрозы Власти. Ваши тарменары – прекрасные бойцы, но их, согласитесь, слишком мало.

Капитан опустил голову. Мало, конечно; но их никогда и не было много, а у Ассарта прежде была армия, теперь же от нее, по сути, ничего не осталось.

– Вот поэтому нам и надо побывать у донка Яширы. Теперь поняли?

– Так точно, Бриллиант. Значит, мы едем туда?

– Я направился бы морем – но у нас не осталось ни единого корабля, сколько-нибудь пригодного для такого перехода. И, кстати, по дороге мы заглянем еще в одно место...

Властелин умолк. Если капитан тарменаров и ожидал, что получит еще какие-то разъяснения, то напрасно. Властелин замолчал надолго.

2

Замолчал потому, что хотелось еще раз без помех подумать о многом. Как бы Властелин ни бодрился, положение на самом деле можно было назвать критическим.

Начинали шататься самые основы Верховной Власти. Собственно, этого следовало ожидать давно. Всепланетная империя, веками складывавшаяся из некогда независимых Великих донкалатов и просто донкалатов, в первые послевоенные месяцы, лишившись нормальной связи и средств сообщения, продолжала существовать как бы по инерции: имперские традиции оказались достаточно сильными. Но движение по инерции – если только оно не происходит в пустоте и не подвергается воздействию сторонних сил – неизбежно затухает. И на Ассарте это затухание, видимо, стало наконец проявляться достаточно ощутимо.

Ничем иным нельзя было объяснить полученные Властелином в последние несколько дней с нарочными письма от многих (пусть и не всех) донков: главы великих родов высказывали одну и ту же мысль о необходимости собраться вместе, обсудить положение и сделать выводы. Изар отлично понимал, какие выводы будут предложены. Великие донки хотят раздела власти. Изар ослабел, его во многом можно было обвинить, и владетельные вельможи не хотели более терпеть над собою его верховную Власть. Они ему пред-

ложат ограничиться донельзя истощенным наследственным Великим донкалатом Мармик – и ничего сверх того не дадут. Единственным не приславшим подобной депеши оказался все тот же донк Яшира – и это стало еще одной причиной, побудившей Властелина пуститься в неблизкий путь.

Однако кроме семерых великих, чьи владения, вместе взятые, составляли примерно половину ассартских земель, в состав государства входило еще без малого сорок просто донкалатов, побольше и поменьше. И возглавляющим их родам, пожалуй, разбегание в стороны было куда менее по сердцу, чем великим. Малые донкалаты понимали, что о подлинной независимости им все равно мечтать не придется, как бы красиво и привлекательно это ни звучало. Каждый из них достаточно быстро приберут к рукам ближайšie из Великих. Кому-то подчиняться (и, следовательно, платить) все равно придется. Но подчиняться было удобнее далекой высшей Власти, чем куда более близкому Великому, который будет непрерывно смотреть тебе за пазуху и от которого так легко не укроешься.

Следовательно, полагал Изар, полного единомыслия среди донков существовать не могло. Возможными казались какие-то общие соглашения. Тем более что один-два из сильнейших Великих донков тоже, пожалуй, не отказался бы от мысли сохранить империю, но возглавить ее самому. Сменить династию, которая (от самого себя Изар не скрывал той оценки, какой заслуживало его правление с этой идиотски

затеянной, плохо задуманной и еще хуже осуществленной войной) в его лице показала неспособность править величаво и с выгодой для всех.

Значит, тут была возможность нарушить единство донков, вколотить между ними как можно больше клиньев, делать вид, что идешь на их условия, – а на деле выкручиваться и, с Яширой в качестве союзника, проталкивать свои предложения через тех донков (поменьше и послабее), кого можно будет одних – напугать, других – купить... Тут пошла бы в ход старая, не раз проверенная технология.

Но для этого требовались, самое малое, две вещи.

Необходима была хитроумная дипломатия на высочайшем уровне. И, поскольку всякая дипломатия хороша лишь тогда, когда опирается на силу, – непременно нужна была сила.

Что касается последней, то Властелин уже поделился с капитаном тарменаров своими соображениями: силу можно было искать только у донка Яширы, в его небольшом, но богатом донкалате. Донк Яшира, кстати, не только никаких писем Властелину не присылал, но и не предупреждал о намерении участвовать в собрании Высокой Мысли. Следовательно, самое малое, соблюдал осторожный нейтралитет.

Ну а для дипломатической игры необходим был человек, который будет этой дипломатией заниматься, прекрасно зная все ее методы, приемы и уловки. Изар отлично понимал, что самому ему это не под силу; слишком малый срок

он провел во Власти, очень уж не хватало ему опыта. А кроме того – далеко не все и не всегда может говорить, намекая, обещая или угрожая, сам Властелин: такие речи гораздо выгоднее вести кому-то – от его августейшего имени. Чтобы в результате добиться двух вещей: сохранения Ассартской державы на всем ее пространстве – и продолжения правящей династии во Власти.

Что он мог противопоставить единому мнению донков?

Допустим – расширить права Высокой Мысли, или, более современно, – Палаты донков. Вот уже сотни две малых циклов она существовала только на бумаге, никто ее не собирал, ни один Властелин не выражал желания посоветоваться с нею ни по какому поводу, в дворцовом обиходе именуя Великим Болталищем. И то, что сейчас предстояло, было, по сути дела, первым собранием Высокой Мысли за столь долгий срок. Малых донков это могло привлечь – если мягко, ненавязчиво и весьма конфиденциально пообещать одному – то, другому – иное, исходя из того – что у кого болит. Наверное, можно придумать еще много чего...

Одним словом, нужен был человек надежный и многоопытный.

В Сомонте такого не было.

Но вне столицы, в донкалате Мармик – был.

Вот такими были причины предпринятого Властелином путешествия, в котором предстояло пересечь не только опасный, стреляющий пояс развалин в самом Сомонте, но и

Мертвое кольцо, в котором вообще неизвестно что происходило; быть может, и вовсе ничего. Но и в этом крылась своя опасность.

Решившись (пусть и не сразу) на такую поездку, граничившую с авантюрой, иными словами – поняв, что только он, собственной персоной, сможет добиться согласия и донка Яширы, и того человека, которого Изар хотел сделать главным своим уговорщиком и соблазнителем донков. Итак, решившись на путешествие, Изар попросил Ястру, свою официальную Соправительницу, встретить донков и каким угодно способом удержать их в столице до его возвращения.

Эта женщина была последней, кому он доверил бы представлять Власть во время его отсутствия, – будь у него возможность выбора. Но выбирать было не из кого. А кроме того, в этом была и своя выгода: донки не станут обсуждать с женщиной вопросы всегосударственного масштаба, даже при всех ее высоких титулах и званиях.

Так решил Изар и отправился в путь. В нынешней, чреватой опасностями обстановке он решил рисковать, коль скоро во весь рост встали куда более серьезные задачи, чем сохранение собственной жизни.

Потому что, прежде чем пускаться в переговоры с донками, нужно было, кроме всего прочего, укрепить свой авторитет даже не у глав местных властей, но в средних ее слоях, – а еще лучше – в самом нижнем: у населения. Или, говоря более выпренне, у народа. То есть – удержать, а то и

увеличить кредит всеобщего доверия, – пусть впоследствии по нему придется платить куда более высокие проценты, чем это делалось до сих пор.

Это означало, что Изар, даже не угрожай ему донки, не мог более отсиживаться в Жилище, но должен быть на людях – убеждать, поднимать, вести: против чужеземной солдатни, своих собственных бандитов и мародеров, на обработку земли и возобновление производства необходимых товаров.

И лишь провозгласив эти достойные цели непосредственно населению, можно было вернуться в столицу и разговаривать с Высокой Мыслью самое малое – на равных. Опять-таки, обладая военной силой, затевать, так сказать, фронтальную психическую атаку – в то время, как Дипломат будет разваливать тылы противника.

Донкам же противопоставить и такой еще аргумент: положение заставляет общаться с правителями других миров, заново налаживая более или менее нормальные взаимоотношения, без которых достаточно скоро так или иначе разгорится новая война. Но властители других миров будут разговаривать лишь с тем, кого принято считать законным правителем Ассарта, иными словами – с ним, Изаром. Другие миры это вполне устроит: всегда приятнее вести дела с тем, кого считаешь побежденным. И поэтому провозглашение новой династии всеми планетами Нагора будет воспринято с неудовольствием. Это значит – задержится обмен тех ассаритов, что в ходе войны попали в плен на чужих мирах, – на

ту инопланетную солдатню, которая до сих пор, лишенная кораблей, околачивается на Ассарте. Вести же переговоры на эту тему с сорока шестью маленькими властями вместо одной большой правители иных планет не станут: слишком много чести.

Надо было показаться в широком мире; но это означало, кроме прочего – и подставлять себя под пули и ракеты, от которых далеко не всегда может уберечь даже лучшая охрана. Означало – рисковать жизнью.

Изар знал (недаром же его сызмальства готовили к правлению миром), что жизнь Властелина никогда не подвергается столь серьезным угрозам, как в пору, когда государство, разочарованное неудачной войной, озлобленное наступившей разрухой и нищетой, о каких раньше если и знали, то лишь из школьных учебников, когда население планеты теряет веру в тех, кто им управляет. И тогда оно должно либо заново поверить в своего Властелина, вновь признать его – не только потому, что он, обладай Властью по закону и всем традициям, но и по той причине, что этой Властью достоин, – либо свергнуть его. Уничтожить. И с ним скорее всего династию. В определенных условиях – таких, как сейчас, например, – игра своей жизнью входит в обязанности Властелина. Вступая во Власть, человек одновременно пересекает и границу повышенного риска. Изар боялся смерти не больше, чем любой другой, то есть в случае необходимости готов был и пожертвовать собой. Но при одном необходимом

условии. А именно: что линия династии не нарушится, что после него Ассартом будет править тот, кто имеет на это право – а не тот, кому повезет, кто окажется более хитрым и более жестоким, чем все остальные. Завершить собою династию – страшный сон для каждого наследственного правителя, страшный и постыдный. Вывод был один: нормально выполнять свои нынешние обязанности Властелин сможет лишь при условии, что в центре Власти – в ее Жилище – будет находиться его будущий преемник. Законный наследник.

Такой наследник был. Но одновременно его и не было. Самым точным было сказать – он должен был быть, по логике вещей. Но еще не стал реальным фактом ни для народа, ни для двора, ни даже для самого Изара.

Зато могли существовать претенденты, у которых не имелось права на Власть, но, не исключено, были силы, нужные для ее захвата.

Наследником, законным и желанным, был тот мальчик, который – если верить календарю – должен был уже родиться у Лезы. У женщины, которую Изар любил в дни, казавшиеся ему сейчас временем мира и покоя. Теперь ему было не до любви, но Леза, конечно, будет находиться при своем ребенке – до той поры, пока не перестанет быть ему нужной.

Претендентом же был – явным – незаконный братец, все тот же Миграт. И немалая часть сегодняшних забот была связана с необходимостью защиты столь недавно унаследованной им Власти от притязаний не только брата-ублюдка,

но и каких-то других сил, несомненно стоявших за ним.

Изар предполагал, что у самого Миграта не хватило бы ни ума, ни связей для того, чтобы – пусть и на краткий срок – объединить усилия если не всех семнадцати, то во всяком случае пятнадцати планет Нагора, очень не схожих и по национальным характерам, и по политическим системам, и по уровню развития. Какими были эти неведомые силы, он не знал, и даже сколько-нибудь правдоподобных предположений на этот счет у него не возникало. Изар нуждался в разумных и обоснованных советах, чтобы определить линию своего поведения и на ближайшее, и на более отдаленное будущее, тактику и стратегию своего предстоящего правления.

Миграт, правда, в конце войны пропал. Сбежал. На Ассарте его с тех пор не видели. Поступавшая, хотя и с немалыми перебоями, с других планет информация тоже не приносила никаких сведений о нем. Так что были основания рассчитывать, что он погиб. Хвала Великой Рыбе и нижайшее преклонение.

Однако существовал еще и другой претендент.

И уж он-то находился здесь, в Жилище Власти, под неусыпным надзором матери, законной супруги и соправительницы Изара. Еще один ублюдок. Отродье даже не простолюдина, но – и это было ужасно – не-ассартида. И ублюдок обретался там, где должен был бы пребывать подлинный Наследник.

3

Со дня, когда было получено первое же послание от соседа – Намира, Великого донка Плонтского, Изар принялся делать все возможное, чтобы найти сына. Нажал на все рычаги. Но, к сожалению, рычагов этих оставалось очень немного, да и сохранившиеся работали не лучшим образом.

В исправной прежде сети заботников зияли огромные дыры. Такой сетью трудно было бы поймать даже Гору-рыбу – не говоря уже о маленькой женщине, с ребенком или без него.

Служба безопасности не могла всерьез отвлекаться от своих основных дел: она занималась ликвидацией и разведкой солдатских банд и разбойничьих шаяк по всему миру, а прежде всего – по удельному донклату Мармик. А ведь и Служба понесла за войну ощутимые потери.

Однако существовал еще и тайный Орден Незримых, о котором вообще и знали-то немногие. Возможно, он не был столь обескровлен и мог бы оказать немалую услугу в добывании нужных Властелину сведений. Однако – это могло показаться смешным, но на самом деле было весьма печально – у Властелина сейчас не было с Орденом никакой связи.

Организация, пронизывавшая, как считалось, весь мир, была настолько законспирированной, что Властелин, которому она формально подчинялась, знал лишь одного пред-

ставителя Ордена: его главу, Командора. И в час нелепой гибели этого человека, в последний день военных действий в Сомонте, когда шальная пуля влетела сквозь приотворенное окно в кабинет главы Ордена и поразила его насмерть, Властелин лишился как информации, поступавшей от Незримых, так и возможности ставить перед Орденом какие-то задачи.

Именно эти люди – или кем они там были? – могли оказать Изару наибольшую помощь в обнаружении лишь недавно родившегося Наследника, в его поисках. Провести и завершить их необходимо было как можно скорее. Если Наследник существует и жив – найти его, обезопасить и доставить в Жилище Власти, где он займет соответствующее ему по праву рождения место. Если же он, до или после рождения, погиб – убедиться в этом, ибо тогда придется принять другие меры.

Другой мерой, как понимал Изар, могло быть лишь одно. Возобновить фактические – а не чисто формальные – супружеские отношения с Ястрой. И пусть у нее родится второй ребенок, на сей раз – от него, Властелина. Пусть дама потешит свое честолюбие: Наследником и Властелином станет именно ее сын, только не первый, а второй. Зато – законный продолжатель династии. Таким мог быть выход в случае, если сын Изара не обнаружится среди живых.

Может быть, Властелин сразу избрал бы такой вариант. Но, во-первых, сама мысль лечь в постель с этой шлюхой бы-

ла ему противна. Она унизила и себя, и Власть так, как на протяжении сотен циклов никто не делал. Не то чтобы никто из Правительниц не имел любовников; имели, и порой даже не по одному. Но напоказ своей сучьей сущности не выставляли! Соблюдали приличия! Дорожили репутацией Власти!

А эта – этой на все было наплевать.

Поэтому, вслух признавая законным ее соправительство, Изар ни в малой мере не собирался делить с нею реальную власть и начал уже предпринимать действия по ее безболезненному отстранению от государственных дел. Он уже добился того, что ни один человек не мог проникнуть в Жилище Власти и встретиться с Ястрой без его, Изара, разрешения. Все апартаменты Жемчужины прослушивались круглые сутки. Старый, верный Эфат, личный камердинер, днём и ночью не отрывался от сосредоточенных в его жильё экранов и акустических приборов. Ему был известен – а значит, и самому Изару – каждый шаг владетельной потаскухи. Так что она не могла покинуть Жилище ни под каким видом ни днём ни ночью. Пока, правда, не удалось лишить ее личной охраны: Горных Тарменаров. Они были родом из того же донкалата Тамир, что и сама Соправительница, из тех краев, где родовые, племенные и «нефтяные» связи по сей день почитались куда более важными, чем долг повиновения Власти. Однако люди Изара не спускали глаз с этих головорезов, чья дикость была предметом множества анекдотов, что рассказывались при дворе.

Изар еще не думал всерьез о физическом устранении Соправительницы вместе с ее ублюдком, хотя это наверняка стало бы делом возможным. Не потому, что жалел ее, – женщина, способная изменить ему как мужчине, позволившая себе понести плод от безродного чужака и откровенно приблизить его к себе, такая женщина, по его убеждению, заслужила смерть. Доверять ей было более невозможно, а иметь Соправителя, которому не доверяешь, который способен по каким-то своим низменным мотивам предать тебя, – хуже, чем не иметь рядом вообще никого. Изар понимал, что мотивы для предательства у нее были: сын (Изар даже не знал, и не хотел знать, каким именем назвали ребенка), которого она собиралась сделать в будущем новым Властелином – а следовательно, его, Изара, убийцей, традиционно безнаказанным, каким был и он сам.

Трудность же заключалась в том, что в истории Ассарта не было прецедентов, какие сейчас оченьгодились бы: Правительниц тут никогда не убивали. И трудно было сказать, как отнеслись бы и высшие круги, владельцы донкалатов, да и все население страны, к такому событию, случись оно. Изар понимал: если бы даже сейчас Ястра умерла от какой-нибудь подлинной болезни или по причине несчастного случая, ему все равно приписали бы убийство. А в нынешней шаткой ситуации это могло бы привести к плачевным результатам: стоило ему оступиться прежде времени, то есть не успев утвердиться во Власти заново, как народ – руково-

дитель наверняка нашелся бы – мог выступить против него.

Правда, население в массе своей воевать не умело, хотя сейчас на руках имело множество оружия, выданного резервистам – войску Охраны Поверхности – перед началом войны и до сих пор у них не отобранного. Но когда найдется единый вождь – вынырнет, допустим, из неизвестности тот же Миграт, – сопротивление вооруженным толпам окажется под силу разве что солдатам донка Яширы, которых, по слухам, было достаточно много: тысячи и тысячи.

Можно было, конечно, успокаивать себя тем, что народ Ассарта почитал традиции не менее, чем сам Властелин, а традиции насильственного свержения законного Властелина, как и убийства Соправительницы, в стране не существовало. На это он в первые дни и рассчитывал. Но сейчас и тут не было полной гарантии.

Наверное, думая об этом, можно было упрекнуть себя в том, что с реформой истории он поспешил. Не понял вовремя, и никто не подсказал, что с новыми, пусть блестящими эпизодами истории приходят неизбежно и новые прецеденты, новые традиции, заимствованные у других планет; а в истории других миров бывало всякое, в том числе и устранение вполне законных правителей: от бескровной отставки – до убийства из-за угла или минирования и взрыва всего дворца. В народном сознании – понимал Изар – все это успело уже перепутаться, и чужая традиция могла, чего доброго, сработать ничуть не хуже, чем своя, многовековая.

Еще хуже было то, что Главный Композитор Истории, Хен Гот, им, Изаром, поднятый из ничтожества, исчез – может быть, затаился в подполье или вообще бежал с планеты. Недаром в первые два-три дня после прекращения огня на Ассарте царила такая неразбериха, что убежать мог кто угодно и куда угодно, поскольку у власти была Ястра, а сам он, Властелин, все еще оправлялся от раны и никак не мог вмешаться в действия по наведению порядка. Если кто-то, замышляющий против Изара, догадается отыскать и использовать в своих целях историка, то нужная традиция будет в два счета найдена и применена. И это может оказаться началом конца его правления – и его самого.

А в случае, если в Жилище Власти останется законный Наследник – не будет особого смысла и в устранении самого Изара.

Так что сколь бы ни была ему противна Ястра...

Да, в конце концов он бы преодолел самого себя и сделал все, что нужно для рождения Наследника. Даже если бы пришлось вторично применить силу, чтобы размазать свою супругу по полу. Если бы – если бы это действие давало немедленный результат.

Беда же заключалась в том, что даже после такого преодоления своих антипатий и даже при полном согласии Ястры, вовсе не гарантированном, пришлось бы ждать девять месяцев: ускорять ход беременности наука еще не умела. Но этих девяти месяцев у Изара не было; даже одного месяца не бы-

ло, счет шел на дни: или Властелин овладеет положением, или...

Ничего, придет день, когда можно будет посчитаться с Ястрой за все. Поквитаться основательно. Ей нравятся мужчины низкого происхождения? Что же, сделайте одолжение – ее на прогулке может подкараулить и схватить дюжина здоровых молодцов, поиграть в кошки-мышки. Найти их, потом, разумеется, не удастся – в столь смутные времена...

«Мечты, – усмехнувшись, подумал он, плавно покачиваясь на пружинящем сиденье. – Все мечты. А на деле?..»

Он очнулся – звонил телефон. Властелин взял трубку.

С минуту он внимательно слушал. Лишь однажды переспросил:

– Пятеро? Ну что же: повелеваю взять их и выяснить – кто они и зачем прибыли, от кого, с какой целью. И не церемоньтесь с ними...

Некоторое время слушал молча. Но снова перебил, не сдержавшись:

– Горные? Откуда они могли там взяться? Да? А вы почему опоздали?

После паузы:

– Хорошо. Агента? Ну, передайте ей мою благодарность... вознаградите соответственно, как там полагается.

Ему продолжали что-то говорить. Послушав, Изар сказал:

– Четыре больше, чем один, не так ли? Вот и сделайте вывод. Тем более, если первого увезли воздухом. Только учти-

те: мне нужны живые. Нет, не горцы, а эти люди. Живые, ясно? И доложите, как только они будут у вас.

Разговор закончился, и он продолжал раздумывать, теперь уже не хмуясь, напротив – даже слегка улыбаясь.

Потому что, к счастью, не все еще было потеряно.

Изар, мечась в поисках выхода из запутанной ситуации, продолжал помнить о некоторых важных вещах.

Прежде всего ему пришло в голову, что прежде – до погибшего Командора – столь нужный ему сейчас Орден Незримых возглавлял другой человек. Ана-донк, потомок знатного, но давно безземельного рода, добровольно ушел от дел и доживал на покое далеко от столицы. Многолетний Советник отца, надежный, как сама планета, почему-то не пожелал сохранить свой пост после наступления поры Изара, хотя оставался неизменно доброжелательным, всячески подчеркивая свои симпатии к политике нового Властелина. Он оставил пост Командора ордена Незримых еще при жизни отца Изара, сославшись на то, что возраст не позволял ему заниматься двумя столь ответственными делами. Но был в курсе всех орденских интересов и событий.

Этот старик оказался теперь единственным, кто мог не только начать, вести и выигрышно завершить разговор с всегда уважавшими его донками, выступая от имени Властелина (что им тоже было привычно еще по былым временам), но и восстановить связь Властелина с Орденом, умело запустить эту машину в нужном направлении. Иными словами – помочь Изару разыскать Наследника и водворить его в Жи-

лице Власти.

– Высокочтимый донк...

Советник поморщился. Он не любил, когда его называли так собственные слуги. Куда более по вкусу ему было простое «хозяин». Однако они – люди, немногим уступающие ему в возрасте и, следовательно, в упрямстве, – продолжали поступать по-своему.

– Ну что там?

– Доставлено письмо.

Советник поднял брови. Писем он ни от кого не ждал. Да и почта давно уже не работала.

Он повертел шелковистый конверт в пальцах. Поднес к носу. Пахло почему-то духами. Как на дворцовых празднествах, что устраивались при покойном Властелине. Давным-давно...

Пришлось вскрыть. Он пробежал глазами несколько строк, написанных, как в милую старину, мелким, округлым почерком. От руки! Гм...

Не менее удивительным оказалось и содержание. Выяснилось, что поблизости – в ранее пришедшем в упадок и опустевшем доме небогатых донков – поселилась благородная, молодая и одинокая дама, желающая завязать знакомства с соседями и потому приглашающая благородного донка и Советника Власти посетить ее – если это не нарушит его пла-

нов – завтра, после обеда. Попросту говоря – приехать на чашечку кофе.

– Бред какой-то, – пробормотал он. – Девица она или вдовушка, но уж коли ей известно, что я был Советником, то следовало бы и знать, сколько мне лет. Кто это привез?

– Шофер.

– Шофер? Чем же он управлял, этот представитель вымершей специальности?

– Лимузином, благородный...

Слуга не закончил – таким гневным был взгляд донка.

– Приведи его!

– Он исчез.

– То есть как?

– Ну, как исчезают: был – и нет его...

– А машина? Тоже исчезла, может быть?

– Стоит у крыльца.

Советник нахмурился. Исчезнуть мог рыцарь Ордена Незримых, кто же еще? Во всяком случае, в этом что-то было.

Он встал. Слуга кинулся помочь, Советник оттолкнул его. Хотя и на самом деле последнее время чувствовал себя очень, очень старым и немощным. Но не в возрасте было дело. Гибло человечество. Что же говорить об одном человеке...

Он вышел на крыльцо. Машина и в самом деле была. Непривычных линий. Ключ в замке.

- Где наш шофер? – спросил он, не оборачиваясь.
- Колет дрова. Прикажете позвать?
- Не надо, – буркнул Советник.

В конце концов, он и сам хорошо водит машину...

6

Все упиралось, следовательно, в старого Советника. Хотя казалось унижительным – уже будучи полноправным Властелином, просить не просто поучить уму-разуму, но и выручить, принять на себя всю невероятную тяжесть хитроумной борьбы с донками, – Изар понял все-таки, что без этого не обойтись.

Правда, мысль о поездке к старику созрела далеко не сразу.

Началось с того, что половину доли цикла тому назад Властелин отправил старику (с надежным боемобилем) приглашение, по сути же – повеление: прибыть по возможности скорее ко двору. Изар надеялся, что сможет доверить Власть старому вельможе и уже тогда со спокойной совестью пуститься в народ, – а Советник, облеченный всеми полномочиями, встретит гостей и начнет затяжные переговоры...

Ответ последовал столь же быстро; получив его, Изар понял, что именно этого и боялся: старик, употребляя давно вышедшие из моды витиеватые обороты, благодарил за высокую честь и сетовал на возраст с присущей ему слабостью, а также на здоровье, оставляющее желать много лучшего. Это, как писал старец, к глубочайшему его прискорбию, делало невозможным появление его в Сомонте – «ибо если я и совершу такую попытку, то с середины пути придется по-

ворачивать назад, чтобы доставить мое тело туда, где я хочу и должен быть похоронен».

Аргумент был, что называется, убойным, потому что являлся совершенно логичным. Опровергнуть его могла бы лишь врачебная комиссия; но Изару нужен был благожелательный, спокойный и настроенный на долгую политическую борьбу наместник и советник, а не рассерженный и брюзжащий старик. Так что силовые методы тут отпадали.

И он поехал, стараясь, чтобы никто из приближенных, а прежде всего Ястра, не догадались о его слабости – слабости в качестве Властелина планеты. Пусть кратковременной, как он надеялся, но все же несомненной слабости.

Сперва Изар собирался полететь к старику, и дальше от него к Яшире, на аграплане. Хотелось самому посидеть за штурвалом; но стоило, зажмурившись, представить себе, как он усаживается в кабину и готовится ко взлету, как Изар почувствовал легкую дурноту, закружилась голова. Видимо, после того, последнего полета, когда его спасли чужаки, подсознание отвергало этот способ передвижения. А кроме того – генерал Си Лен, Начальник службы неприкосновенности царственных особ, доложил Властелину, что те места донкалата Мармик, пролетать над которыми Изару пришлось бы, просто-таки кишат солдатами противника, вооруженными, кроме всего прочего, и зенитными ракетами. Так что всякий полет становился делом чрезмерно рискованным. Кроме того, никто не знал, что таится под кронами лесов Самора: что,

если аграплан сочтут вражеским и дадут залп? А если кто-то, как предполагал генерал Си Лен (а он просто не имел права размышлять по-иному), всерьез наблюдал за всеми действиями Властелина, в том числе и за его передвижениями, то вылет его личной машины (а других просто не было) с аэродрома Власти – пяточка, уместившегося в стенах Жилища, – никак не остался бы незамеченным. И если от злоумышленников на дороге всегда есть шанс отбиться, а при ночной езде опасность взорваться на заранее заложенном заряде тоже намного уменьшается, поскольку в темноте трудно даже из недалекого укрытия определить мгновение, когда нужная машина оказывается над фугасом, – то в воздухе никто не сможет спастись из взорванного аграплана. Охрана советовала воспользоваться Каретой Власти, боемобилями и ночной темнотой. Поразмыслив, Изар так и поступил.

Первая удача настигла его в пути: остатки наблюдательной агентуры все-таки сработали – по сути дела, случайно, однако без везения не бывает удачи, – и людей, прилетевших на втором из замеченных кораблей, обнаружили. Правда, Ястрины горцы сумели схватить их первыми и сразу же увезти одного, но для начала Изару хватит и четырех. Удача была хорошим предзнаменованием и сулила обогатить его новой информацией, которой ему так не хватало. Скорее всего это люди Миграта; станет наконец ясно – где он укрылся и что замышляет.

И вот сейчас Властелин полудремал в раскрытом кресле

машины, уносившей его все дальше от Жилища Власти, и даже не старался увидеть что-то через бронированное стекло, потому что ночь надежно укрывала от взгляда все разрушения, которые сюда принесла так хорошо задуманная и так скверно осуществленная им война.

– Не проскочите поворота направо, – на всякий случай предупредил он сидевшего впереди генерала. – Там у нас первая встреча с народом, если помните. В округе Ситан.

Это было на самой границе Пригородного кольца. Сразу за местечком Ситан начиналось Мертвое кольцо.

– До него еще далеко, Бриллиант.

Изар закрыл глаза, чувствуя, как сон овладевает им. Странно – сейчас, в дороге, он испытал неожиданное облегчение: как будто сделал что-то нужное и удачное. Может быть, потому, что пока ему ничем другим не надо было заниматься: связью в пути они решили не пользоваться из-за опасности перехвата (хотя и постыдно было принимать такие меры предосторожности в своей собственной стране). Так что оставалось только спать – хотя бы впрок, потому что не известно еще, что придется делать следующей ночью.

Встреча в Ситане прошла благополучно – в том смысле, что охране не пришлось вмешиваться, люди – человек около тридцати, заранее предупрежденных гонцом и несколько часов дремавших в ожидании, – вели себя спокойно, хотя особого восторга по поводу явления Властелина не проявляли. Привыкли уже к послевоенной скудости – потому, наверное, что и до войны жили не очень-то. Совершили полагающееся преклонение, потом слушали, не прерывая. Под конец, в знак одобрения, помахали поднятыми над головой ладонями, прокричали, как и полагалось: «Уу! Уу! Уу!» и спокойно стали расходиться, ни на что даже не пожаловавшись. Быть может, их предупредили, чтобы не очень-то досаждали Властелину. После чего можно стало двигаться дальше.

Изару снова дремалось; за окошками медленно текла густая ночь. Потом водитель стал притормаживать. Властелин встрепенулся, охрана еще раньше изготовила весь свой арсенал. Но ничего опасного не случилось: просто подъехали к границе населенной земли; дальше начиналось Мертвое кольцо.

Въехали в него как-то незаметно: дорога более или менее сохранилась, и по ней и до Властелина ездили, так что один ряд оказался расчищенным для движения, а время от времени попадались и места отдыха, освобожденные от неизбеж-

ного в уничтоженной стране мусора; на этих площадках пережидали, если приходилось, встречного – но то ли ночами тут никто не рисковал ездить, то ли – и это было вернее – ездить стало не на чем, а может, и некому. Так что можно было спокойно двигаться на небольшой скорости, огибая кучи обломков, возникавшие то справа, то слева. В общем, оказалось не столь страшно, как все ожидали.

Потом что-то все же засветилось впереди. Похоже было на фары встречных машин. Всего возникло их шесть – вынырнули, одна за другой, из ложбины, в которую впереди уходила дорога. Три встречных? Нет, вряд ли их было три: светились они не попарно, а вереницей – одна за одной. Мотоциклы? Или машины, у которых горела у каждой только одна фара? Водитель Властелина ударил сразу всеми прожекторами, чтобы заставить тех хотя бы уменьшить скорость, прижаться к валу мусора на обочине, пропустить караван Властелина – три огня на крыше Кареты Власти, непрерывно менявшие цвета, и над ними – голубая, ярко светящаяся Рыба были известны каждому на Ассарте, хоть как-то связанному с дорогой. Встречные не отозвались никак, но продолжали быстро приближаться, светясь по-прежнему не ярко, спокойно. Капитан тарменаров скомандовал по рации остальным машинам открыть огонь. Шутить он не собирался. Протянулись лазерные трассы. В первый, самый ближний огонь было попадание, все видели. Он не погас; наоборот, засветился ярче, налетая с прежней скоростью. Водитель пробормотал гром-

ко:

– Да они даже не по трассе идут. В стороне...

И в самом деле: и остальные увидели сквозь броневой пластик окон, что дорога впереди была свободна – огни неслись прямо по бездорожью, по целине, вернее – по слою пепла, покрывавшему ее, но без малейшего ветерка, пепел не шевелился даже – а ведь от нормальной машины поднялось бы черное облако, сквозь которое никакой, лазерный даже, луч не пробился бы.

– Отставить огонь! – скомандовал капитан. – Прибавить скорости!

Машины пошли быстрее. Все яснее становилось, что огни скользят в стороне, хотя и параллельно дороге. Еще несколько секунд – и они промчались мимо. Все невольно повернули головы к заднему стеклу. Огни улетали. Просто огни. Ни машин при них не было, ничего. И при взгляде вслед им светились так же точно, как и спереди.

– Похоже на шаровые молнии... – сказал Властелин, ни к кому в частности не обращаясь. – С чего бы? Грозы нет...

– После войны их стали замечать тут и там, – поспешил доложить капитан. – Они, похоже, вреда не приносят.

– Сколько они в диаметре, как думаете? – поинтересовался Властелин.

Ответы были разными, потому что расстояние до них каждый оценил по-своему, а значит, и величину: блюдце, игровой мяч, умывальный таз и тому подобное. Все сходились

лишь в том, что все шесть были одного размера. Как по стандарту изготовлены.

Оставалось только пожать плечами и продолжать движение.

Только сон почему-то больше не шел.

Глава четвертая

1

Смириться с новым положением оказалось для Охранителя нелегко.

Ничто так не укореняется в душе, как привычка к власти. Словно корни хрена в почву, она проникает глубоко-глубоко, и сколько потом ни вырывай ее, ни выдергивай, ни выкапывай, ни трави – все равно какие-то корешки в глубине уцелют и сразу же или через небольшое время примутся пробиваться наружу.

Охранитель же и не пытался хоть как-то бороться с этой привычкой – быть может, потому, что даже не привычка то была, но потребность. Тот гормон, без которого его организм нормально действовать не мог, а способен был только на быстрое умирание.

Он сознавал, что потеряно очень многое. Из существа, причастного Силам, владевшего Пространством и в какой-то мере даже Временем, он превратился в рядового человека на заурядной планете. Но уверен был, что в недалеком будущем сможет вернуть все и обрести еще большее. Уверенность его основывалась на простой мысли: те, кто покарал его, после этого о нем сразу или почти сразу же забыли. Он перестал

существовать для них, как реальный противник. У них всегда имелось множество других, более важных для них дел. Сам же он забыть о себе никак не мог, и чего-либо другого, более значительного, чем восстановление утраченного, для него не существовало.

Можно было только радоваться тому, что его недооценили как противника и ограничились лишь тем, что отняли у него статус Человека Сил. Правда, те, кто судил его, на большее и не были способны, включая и Эмиссара Высших Сил – того, кто и вынес ему приговор, когда война на Ассарте была уже, по сути, проиграна. Но ведь они могли поступить куда хуже: обратиться к самим Высшим Силам, для которых возможным было – перевести его в пассивное космическое состояние и там уже обратить в кванты, в кварки, распылить, сделать лишенной всякой индивидуальности частицей Величайшей Силы. Они этого не сделали. Хвала Другому.

Он знал, что пока не потеряна личность – не потеряно ничто. И не собирался тратить время на восстановление душевных и телесных сил. Сейчас главным было – не медлить, действовать, пока о нем не начали вспоминать. И действовать именно здесь, на Ассарте, где у всех хватало своих забот и не до него было, – а не пытаться каким-то способом перебраться в любой другой мир. Он понимал, что в каком угодно месте его встретят не просто недоброжелательно; его сделают ответственным за безрезультатную и стоившую многих трат войну, и поступят с ним наихудшим образом – чтобы

отвести всеобщий гнев от себя. Охранитель предпочитал не думать, что он и на самом деле был если не единственным виновным (все-таки независимо от него и Ассарт готовился к агрессии), то во всяком случае одним из них. Ему было свойственно никогда не считать себя виноватым. Способность, необходимая людям, жаждущим власти.

Поэтому он не стал пытаться покинуть не только планету, но и тот самый Сомонт, где потерпел столь жестокое поражение. Изрядная часть столицы была разрушена, и он без труда нашел себе пристанище в углу обширного подвала под разваленным домом во Втором городском поясе. Прежде в этом строении существовал завод, производивший пиво.

Подвал был населен крысами, навещали его также бродячие собаки. Они – главным образом грызуны – и послужили ему пищей до тех пор, пока он не почувствовал, что способен выйти на свет и активно действовать.

Но до того Охранитель больше месяца пролежал там в одиночестве, залечивая раны от вонзившихся в него стрел способом, давно ему известным: у него отняли силы, но знания сохранились, и своей планетарной плотью он по-прежнему владел и управлял в совершенстве. Лишь почувствовав себя совершенно здоровым, он вышел, чтобы запастись более нормальной едой и питьем: краны в подвале были, но городской водопровод не действовал, и первые несколько дней пить ему приходилось крысиную и собачью кровь, однако она плохо утоляла жажду.

Потом же случилось то, на что он не переставал надеяться: пришла помощь. Именно с той стороны, с которой он только и мог ее ожидать.

Его нимало не удивило, что то не были люди, но существа – или, может быть, скорее сгустки энергии. Их можно было назвать шаровыми молниями, пользуясь понятиями, известными в человеческой практике; среди Сил же они носили имя энобов. Ему не раз приходилось общаться с ними еще на Заставе, и он полагал, что они являются посланцами Другого, о котором у Охранителя было лишь весьма смутное представление, но в которого он истово верил. Энобы, естественно, не могли принести ему ни еды, ни питья. Но сделали больше: снабдили его энергией, и благодаря этому запасу он смог более двух недель существовать, не нуждаясь ни в какой вещественной пище. Когда он снова начал слабеть, его навестили вновь.

Кроме энергии, они снабдили его самым, может быть, главным: уверенностью в том, что на него еще надеются. И, следовательно, поддержат.

Позже, когда раны не только затянулись, но даже и следы их исчезли, Охранитель стал заботиться о себе сам.

Создать запасы оказалось делом не сложным. По всему городу в эти первые послевоенные дни, недели и месяцы (или доли малого цикла, как принято было считать время на Ассарте) фактического безвластия шло постепенное разграбление уцелевших складов и магазинов. Правда, в этом

промысле ему сразу же пришлось столкнуться с конкуренцией. На Охранителя напали в первый же день, когда он, наполнив объемистый заплечный мешок наиболее пригодными для него продуктами, возвращался в свое убежище.

Нападавших было четверо. Они были вооружены тем самым оружием, что еще так недавно держали в руках воины, предводительствуемые им, Охранителем: многоствольными пистолет-пулеметами типа «циклон». То были современные, длинные, обладавшие большой дальностью автоматы с лазерным телеприцелом и термочувствительным искателем цели.

От него потребовали положить мешок наземь и убраться без оглядки; иначе, сказали ему, его убьют тут же на месте. Охранителю показалось смешным то, что обращались к нему на языке мира Вигул, а не по-ассартски; грабители, следовательно, являлись солдатами разбитого войска – его войска: Десанта Пятнадцати.

Это было, пожалуй, сразу же сообразил он, хорошо для него: здесь, в чужом, враждебном для них мире они должны были чувствовать себя еще более неприкаянными, чем лишившиеся крова граждане Сомонта и всего Ассарта; те могли надеяться хоть на что-то в будущем, эти же не могли не понимать: пройдет не так уж много времени, как здешний люд начнет приходить в себя, и тогда их, чужаков, начнут усердно отлавливать, чтобы запереть в лагеря для военнопленных и гонять на самые изнурительные работы или про-

сто отстреливать на месте.

Охранитель попытался прикинуть, сколько же в городе и его окрестностях могло обретаться таких солдат. Получалось много. Счет шел на тысячи. Внешне же его поведение выглядело, как нерешительность: он словно сомневался, нужно ли выполнять команду.

– Ну шевелись, ты! – крикнул один из грабителей и угрожающе вскинул «циклон».

Охранитель медленно выпростал руки из лямок рюкзака и бережно опустил его на битые кирпичи перед собой. Так же неспешно разогнулся. И, мгновенно приведя в действие вновь прекрасно повиновавшееся ему тело, взвился в воздух.

Он не взлетел, как птица, конечно: летать он не мог, это умения его лишили. Но он прыгнул выше человеческого роста – и на какие-то мгновения завис в воздухе, одновременно взмахом рук заставив себя вращаться вокруг оси, проходившей через позвоночник. Один из солдат невольно помог ему: палец капрала плотно лежал на спусковом крючке, и при неожиданном рывке задержанного стрелок непроизвольно нажал – и пули поразили стоявшего напротив товарища по разбою. В следующее мгновение и стрелок, и уцелевшие двое его соратников оказались на земле, сбитые мощными ударами ног начавшего опускаться Охранителя. И не сразу пришли в себя. Победитель же не терял времени даром.

– Капрал, встать! Смирно! К но-ге! – рявкнул он во весь голос на том же, понятном им языке. – Постройте группу!

Его расчет оправдался: сработал безусловный, годами выработывавшийся рефлекс. Может быть, будь они резервистами, все не обошлось бы столь благополучно; но это были кадровые солдаты, профессионалы, и это Охранитель определил уже по тому оружию, какое они носили: запасников вооружали куда хуже. И три таких автомата единозвучно ударили затыльниками прикладов в кирпичную щебенку.

Теперь нельзя было терять ни мгновения: через долю секунды солдаты придут в себя, и трудно сказать, чем ответят на выпад неведомого оборванца, хотя и обладавшего командным голосом. Решат, вернее всего, что над ними издеваются: Охранитель прекрасно знал, что на солдата он совершенно не походит. И продолжил, пока двое, поднявшись, отряхивались и подравнивались:

– Оказать помощь раненому!

Четвертый был не ранен; это опытному глазу было видно сразу. И склонившийся было к телу солдат тут же выпрямился.

Доложит он, как полагается, или нет? То есть подчинится или...

Но солдат выбрал средний путь: доложил капралу:

– Готов, Луч.

Охранитель не дал им времени на раздумья:

– Его оружие! Ты!

И требовательно протянул руку. Он не должен был нагибаться сам. Им следовало это понять. И таким властным был окрик, что капрал поднял «циклон» и вручил его требовавшему. Охранитель умело вскинул оружие, смахнул рукавом кирпичную пыль с затвора.

– Шляетесь по городу! – прорычал он еще более грозно. – Почему не в расположении полка? Нарушаете приказ генерала Ги Ора?

Он, не раздумывая, назвал именно это имя – потому что генерал из мира Агур был известен всему десанту, и прозвищем его, заслуженным во многих локальных войнах, было «Победоносный».

– Капрал, ваше имя, часть, корабль? – напористо продолжил Охранитель.

Вот так и дальше надо было: не дав опомниться, заставить их оправдываться. Солдат всегда должен чувствовать себя в чем-то виноватым.

– Старший капрал Ур Сют, Второй Знаменный полк, штурм-крейсер «Одержимый»!..

Он запнулся, похоже, не зная, как закончить.

– Предводитель Армад, – подсказал Охранитель. Таким и в самом деле было его звание в военной иерархии Вигула, как и всего Десанта Пятнадцати.

– ...Предводитель Армад!

– Объясните ваше поведение!

– Виноват! Но нам не было объявлено о сборном пункте...

– Рразгильдяи! – Так, чтобы не поняли, о ком это: о них – или о тех, кто вовремя не довел приказ до исполнителей.

– Так точно, Предводитель Армад!

Солдатский ответ, означающий все что угодно, а прежде всего – нежелание вступать в пререкания с начальством.

– Я разберусь, – грозно пообещал Охранитель. – А сейчас – шагом марш за мной! Если вам еще не известно, сообщаю: наши объединенные войска, потерпевшие временную неудачу, скрытно приводятся в должный порядок, чтобы, неожиданно ударив на ничего не подозревающего врага, овладеть городом и кораблями и с победой возвратиться на Вигул и все другие союзные миры. Вам и вашим солдатам это ясно, старший капрал?

– Так точно, Предводитель Армад!

– На сборный шагом марш!

– Виноват...

– Кстати, может быть, вам известно, где находится кто-либо из офицеров и генералов – я имею в виду еще не явившихся на места сбора?

– Так точно, Предводитель Армад! Тень-капитан Он Макт и флаг-рейтар Он Сим. Из нашего же полка. Они нас и послали...

– Как только я укажу вам место, отправите одного из солдат, чтобы вызвать их. Другой тем временем займется обедом. Сам же ты отправишься на дальнейшие розыски личного состава и будешь попутно присматривать места для но-

вых пунктов, а также источники питания. Тут в развалинах найдете, я полагаю, все, что потребуется, чтобы оборудовать места сбора.

Капрал, уже бесповоротно признавший в Охранителе высокого начальника, почтительно доложил:

– Тут есть еще местные жители, Предводитель Армад. Они иногда сопротивляются...

– С местными жителями, если попадутся, поступайте, как полагается на войне.

Он усмехнулся:

– Впрочем, женщин можете щадить... до поры до времени. Воин нуждается в нежности, не так ли?

Солдатские ухмылки показали, что цель поражена в самый центр. Охранитель знал, в чем нуждается солдат. Хотя сам он никогда в жизни не понимал и не испытывал такого рода влечений к кому бы то ни было. И потому, кстати говоря, считал себя существом особым, более высоким, чем остальные.

– Но главное, – заключил он, – готовиться к предстоящим боям. Война не кончена, солдаты, и мы не побеждены. Мы будем драться – и одержим победу. Флаг Вигула будет развеваться над этим городом и над всей планетой! Уу, солдаты!

– Уу! Уу! Уу!

– Подними мешок! За мной шагом марш!

Он чуть было не скомандовал: «Песню!», но вовремя сдержался. Лишний шум был пока еще ни к чему.

Когда Охранитель выходил из своего укрытия несколько часов тому назад, у него еще не было определенного плана действий, не обрела четкого облика цель. Но обстоятельства сложились как бы сами собой, и – думал он – это наверняка была помощь с высоких уровней. Быть может, даже по воле Другого. Как-то без всяких усилий с его стороны стало ясно: единственный способ вернуть утерянное – овладеть Сомонтским подземным лабиринтом и требовать всего, угрожая в противном случае...

Он не знал в точности, в чем заключалось значение того странного, что было в подземелье, но не сомневался, что оно представляло собою большую ценность для Сил, и простая угроза вывести это из строя, а если понадобится, то и уничтожить, сделает Силы куда более сговорчивыми. Охранитель догадывался, что, уничтожая подземелье, может быть, погибнет и он сам, и все, кто будет вместе с ним, а возможно – и весь город, планета, все звездное скопление. Погибнуть в одиночку он вряд ли захотел бы; но вместе со всем миром – о, это стало бы великим поступком, ради такой гибели стоило постараться...

Но даже для того, чтобы всего лишь величаво умереть, нужно сперва деятельно пожить; а ведь все-таки не смерти он жаждал, напротив...

Охранитель прикинул, какими силами располагал Десант на Ассарте в самом конце войны. Память с готовностью из-

влекала, как нужные карты из колоды, забытые, казалось, имена и цифры. Хорошо. Допустим, в последние часы битвы и первые дни так называемого мира Ассарту удалось уничтожить или обезвредить половину тех, кто был на его поверхности. Но даже в таком случае – число получалось внушительное.

Если так, то необходимо сразу же подумать о создании командования: сам Охранитель не собирался заниматься мелкими делами, его коньком всегда была стратегия. Нужно найти людей, на которых он сразу же сможет опереться, кому сумеет доверить всю работу по организации боеспособной армии буквально на глазах у властей. Лучше всего – разыскать генерала Ги Ора. Хотя бы потому, что ему всегда сопутствовала удача.

Но еще прежде – нужна информация, море информации: все то, чего Охранитель сейчас не знал. Кто жив и кто – нет. Из живых – кто где находится, чем занят, какая сила – за ним и какая – против. Изар. Миграт. Девка Изара. Ее ублюдок – ведь родился уже, наверное? Супруга Изара. Она ведь тоже, помнится, была в тягостях? Значит, и ее потомок. И все другие, кто хоть что-то значил в государственном механизме Ассарта. Нельзя же начинать партию, пока на доске не расставлены фигуры. Можно только готовиться: собирать и организовывать солдат, назначать офицеров на должности, запасать в удобных местах провиант. Не только для прокорма своего воинства, но и для того, чтобы этими продуктами

не смог воспользоваться противник. Забирать все вообще. Все, что найдется. Кто раздает продовольствие, тот и правит людьми, независимо от того, носит он титул или нет. Но это еще не игра. Это – разминка.

А дальше?

Наилучшим выходом из положения было бы разыскать Магистра Миграта. Ублюдка Власти. Он был, пожалуй, единственным, способным взять на себя главные заботы: цель, которой он добивался, могла заставить человека отдать все силы и умение. Неизвестным оставалось, пребывал ли Магистр еще на Ассарте или же ухитрился бежать. Но если и бежал, то – представлялось Охранителю – ненадолго: Магистру нужен был Ассарт, и получить власть над ним можно было, только находясь здесь. Если он на планете – обязательно попадет к кому-нибудь на глаза: он может обитать здесь только нелегально, а значит – на том же уровне, что и все остальные люди, которых Охранитель намеревался использовать: в развалинах строений, в брошенных домах, в храмах Великой Рыбы, где уже высыхали Благословенные Пруды и задыхались Малые Сестры. Кроме того, он точно так же, как и сам Охранитель, должен собирать вокруг себя людей. А это значит, что Магистр – если он жив – неизбежно попадет в поле зрения Охранителя уже в самом ближайшем будущем.

Следовало также организовать пристальное наблюдение за тем, что на Ассарте называлось Жилищем Власти. Кто там сейчас? Кто нынешний Властелин: все еще Изар? Или он не

выжил в дни войны? Соправительница? Кто-то третий? Но кто бы там сейчас ни был – только наблюдение. Предпринимать что-то большее сейчас было бы преждевременным: это значило бы оказать возможному претенденту – тому же Магистру – большую услугу, не договорившись предварительно об ответных любезностях с его стороны. Нет, пусть притязатель сперва появится в поле зрения, даст нужные обещания – тогда, может быть...

Но в общем, все складывалось благоприятным образом.

2

Едва ощутив под ногами твердь Ассарта, Миграт принялся за дела, ради которых и вернулся сюда – в места, для него куда более опасные, чем окраинный мирок Инара.

Тратить время на обустройство ему не пришлось: друзья и сторонники, каких у него, как у всякого сильного человека, всегда было много и даже после поражения осталось не так уж мало, – люди эти подготовили для него достаточно надежное убежище.

То была – в минувшей давности – пригородная усадьба донка, игравшего в те поры немалую роль в политике. Времена прошли, и вместе с ними угас и род, усадьбу поглотил неудержимо разрастающийся город, однако она осталась чем-то вроде зеленого острова в окружении кирпично-бетонно-асфальтового моря. Принадлежало это хозяйство казне, постоянных жителей не имело – им пользовались в мирные дни как гостиницей для провинциальной знати, периодически, согласно традиции, прибывавшей в столицу, чтобы совершить Преклонение перед Властью. В дни войны и парк, и строения уцелели, хотя грабители не раз навещали его и вынудили постоянную прислугу расползтись по своим норам. Место было удобным, и, возможно, Охранитель не преминул бы использовать его для своей базы – если бы вовремя получил нужные сведения. Но он об усадьбе просто

не знал, а когда ему доложили – там уже обосновались люди Миграта, не объявлявшие, впрочем, о своей принадлежности. После кратких размышлений Охранитель решил не вступать по этому поводу в вооруженный конфликт: считал, что еще не пришло время показывать свою силу. После этого здесь стало и вовсе спокойно.

Но поселиться тут Миграт отказался: сказал, что он с семьей поместится отдельно. Основной причиной было то, что в глазах всех сторонников – а их должно было становиться все больше, – Миграт с Лезой и ребенком должны были действительно выглядеть семьей: он знал, что гораздо больше людей придет к нему, полагая, что выступают за интересы маленького Властелина, и они должны были верить, что Миграт действует и на самом деле в интересах Наследника и как бы от его имени. Если бы они втроем жили среди людей – почти сразу всем стало бы ясно, что на самом деле семьи нет, есть лишь спокойно-нейтральные взаимоотношения, и это ударило бы по его авторитету. Миграт не сомневался, что выкажи он вновь желание сблизиться – отказа с ее стороны, как и в тот раз, не последует. И тогда все будет зависеть от его умения и осторожности. В тот раз он об этом просто не успел подумать, тогда все представлялось ему более простым, чем оказалось на деле. Он хотел близости с нею еще сильнее, чем раньше, – но не сейчас, а в будущем, по его представлениям – достаточно недалеко. Тогда, когда все станет на свои места и каждый из них – маленький Наследник, Леза и он сам –

займут подходящие места в этом мире: младенец – Властелина, он, Миграт, – по праву кровного родства – Правителя при малолетнем государе, Леза же, естественно – как мать первого и супруга второго, – станет объединяющим членом триады.

Замысел повернуть дело именно так возник у него почти сразу после того, как Леза, еще до родов, беспрекословно позволила ему увезти ее с Ассарта и с той поры ни разу не показала, что не верит ему или боится. Он со своей стороны постоянно давал понять, что заботится прежде всего о благе ее самой и будущего, а потом и уже родившегося ребенка. И не раз упоминал о том, что видит Властелином именно Растина – таково было имя младенца – и никого другого. Что же касается Изара – не желая прямой лжи, Магистр не утверждал, что нынешний Властелин и отец ее ребенка погиб. Миграт говорил лишь то, что соответствовало истине: в день и час, когда они покидали Ассарт, Властелин находился при смерти – и надежды на его выздоровление не оставалось. «Если бы с ним все было в порядке, – добавлял он, – Изар непременно разыскал бы вас, но ведь об этом ничего не слышно, правда?» Само собой подразумевалось, что у власти находится «эта женщина», как только они и называли Ястру в разговорах. И когда Миграт сказал, что пора возвращаться домой, Леза не попросила объяснений – зачем, лишь кивнула и стала собираться. Благодарный, он обнял ее, на миг прижал к себе. Женщина восприняла это спокойно и так же

безмолвно отстранилась, как только он разжал объятия.

Тут, на Ассарте, для них нашли домик, удобный тем, что он помещался отдельно, на окраине. Его не окружали развалины и подобраться к нему незамеченным вряд ли смог бы даже умелый разведчик. Миграт рассчитывал, как только людей прибавится, выделить несколько человек для охраны; пока же все разошлись в разные стороны, чтобы извещать о возвращении Магистра и призывать сторонников под его знамена.

Другой же причиной, по которой Миграт отказался жить среди своих, было желание не афишировать принадлежность отряда. Этих людей тут не знали, но его-то помнили прекрасно, и случайный – а может быть, и не случайный – наблюдатель, едва увидев его, сразу же сделал бы необходимые выводы. Пришлось бы обороняться. Миграт же пока не был готов к серьезным операциям, да и не хотел доводить дело до большой драки. Если бы в его распоряжении еще оставался корабль, доставивший его с Инары, он скорее всего поступал бы иначе: понемногу вывозил бы ассартских солдат из тех миров, в которых они застряли, и формировал бы сильное и профессиональное войско. Но корабля, увы, больше не было. Он попытался бы, конечно, захватить какой-нибудь другой, но на Ассарте больше не осталось кораблей, такой оказалась печальная действительность. Поражение в войне научило Миграта многому; он не хотел больше рисковать ничем.

Информацию о положении вещей на планете ему сообщили еще на Инаре прилетевшие туда люди. Изар был жив и находился у власти; однако практически до сих пор бездействовал – и это заставляло думать, что на самом деле со здоровьем у него не все в порядке, – но могло означать еще и то, что у Властелина просто не хватало людей: придворные хороши в дни процветания, в пору бедствий они расползаются по щелям, стремясь сохранить то, что успели обрести. Но это были предположения. Чтобы действовать с уверенностью, нужно было самому увидеть, услышать и, что называется, потрогать руками все то, что он привык называть одним емким словом: Власть.

Все предыдущие дни после возвращения на Ассарт он осваивал подступы к Жилищу Власти. Миграту понадобилось немного времени, чтобы детально разведать обстановку и найти возможные пути проникновения в резиденцию Властелина и его супруги. В городе – в любом его уголке – он ориентировался прекрасно, вся его сознательная жизнь прошла на этих улицах. Не были для него тайной и многие выходы из подземного лабиринта Жилища Власти. К сожалению, большинство их – те, что находились в городской черте, – оказались под развалинами домов; лишь на третий день он обнаружил два уцелевших.

Сразу же Магистр предпринял попытку воспользоваться одним из них. Ведь если Изар был жив, то нужно было найти возможность для скрытого проникновения в Жилище и нейтрализации и Властелина, и Соправительницы, чтобы сразу же объявить о Растине и готовить его официальное, согласное с традициями, воцарение. Штурмом Жилище не взять было, даже располагай Миграт вдесятеро большими силами; оно всегда, даже в дни совершенного спокойствия, было готово к обороне – так повелось издавна, когда Жилище Власти было еще просто крепостью. Для дворцового же переворота его людей хватило бы – окажись они внутри. Оставалось только найти способ попасть туда. И вот сегодня он наконец

решился на серьезную попытку.

Район вокруг Жилища почти не пострадал, дома и другие строения сохранились, хотя людей на улицах виднелось немного.

Своим наблюдательным пунктом Миграт избрал удобное местечко на верхнем ярусе башни, что уцелела от некогда проходившей тут внешней – перед ныне засыпанным рвом – крепостной стены и находилась на расстоянии полутора полетов арбалетной стрелы от восточного фасада Жилища Власти. Именовалось древнее сооружение Тонгпра-Алум, в просторечии же ее называли просто Тонг; другого подобного памятника старины в Сомонте – вне Жилища Власти – не было. Обзор с нее был очень хорош. Он был бы еще лучше, разумеется, с телевизионной иглы – если бы она не рухнула в самом начале штурма Сомонта. С Тонга хорошо обозревалось и Жилище, и находившаяся вблизи Спортивная площадь (так именовался крупнейший на планете спортивный комплекс с огромным игровым полем). По другую сторону Тонга, примерно в таком же отдалении, что и Жилище, уцелевшие дома уступали место развалинам, напоминавшим при взгляде сверху горную страну Тамир с ее пиками, хребтами и долинами, разве что в предгорьях не было нефтяных вышек. Вершины поднимались невысоко: центр Сомонта оставался традиционно малоэтажным, высотки строили начиная с Четвертого пояса. Долины правильнее было бы на-

звать ущельями, и лишь неподалеку от башни виднелось чистое местечко, этакий пяточок, словно крохотная танцплощадка, примыкавший к арке, тоже достаточно древней. Там Миграт еще не успел побывать, но намеревался сделать это в ближайшем будущем.

В самой башне в довоенные времена располагалось одно из отделений Музея Памяти, посвященное Средним Временам – эпохе мелких донкалатов, панцирей и мечей, кафтанов с торчащими вверх плечами и виселиц. В краткую пору Великой Истории Музей, по личному указанию Главного Композитора Хен Гота, был закрыт в связи с пополнением экспозиции. Сюда и в самом деле было свезено немало того, что успели купить или отобрать на других мирах: одежда, вооружение, знамена, портреты великих предков, макеты знаменитых крепостей и замков, гербы и, наконец, документы в современных герметичных коробах из пластика. Все это обилие так и осталось неразобраным: началась война, и уже не до них стало. К счастью для науки, башня уцелела, и История, хотя и густо припорошенная пылью, продолжала существовать для будущих поколений.

С начала войны в Тонг никто не заглядывал, массивные кованые ворота были закрыты и заперты на замки, возрастом не уступавшие самому сооружению. Кроме них, вход защищался, естественно, и современной сигнализацией; однако теперь в обесточенном городе и она, конечно, не работала. Замки поддались бы разве что солидному заряду, но та-

кой способ казался слишком рискованным. Миграт, после непродолжительных поисков, несколько дней тому назад обнаружил все-таки подвальную отдушину, тоже снабженную бесполезными теперь датчиками, и через нее, хотя и не без труда, пролез внутрь. Он опасался, что лестницы, уводившие на верхние этажи и смотровую площадку на крыше, пришли в негодность: по его воспоминаниям, они так и оставались деревянными. К своему удовольствию, Магистр обнаружил, что старые балки, идеально сухие и звеневшие при ударе, как металл, не уступили времени. Даже во время ливней вода не проникала внутрь, потому что как-то ухитрилась сохраниться свинцовая крыша, дерево же для строительных дел в старину умели и выбрать, и выдержать, и обработать. Так что лестницы были в порядке – за исключением одного места, пролета между третьим и четвертым этажами, где несколько ступенек достаточно сильно обгорели – видно, когда-то тут начинался пожар, но был вовремя потушен, – и теперь ступать на них было опасно: любая могла провалиться, не выдержав его веса. Но, ухватившись за кем-то поставленные именно в этом месте перила (которыми вообще-то лестницу не снабдили), можно было через опасный участок и перемахнуть.

Оказавшись внутри и основательно осмотревшись, Миграт прежде всего расширил отдушину и подтащил к ней стремянку – одну из тех, что имеются в любом музее. Потом – не за один раз, конечно, – перенес в Тонг и разместил в

одном из старинных резных, черного дуба, шкафов все, что, по его мнению, могло пригодиться: кое-какое оружие, хороший бинокль, сохранившийся у него еще с войны, и даже постельные принадлежности; он не собирался тут ночевать, но надо было подготовиться к любому обороту событий.

И вот сейчас, в очередной раз оказавшись в Тонге, Миграт вынул из шкафа бинокль, чуть подумав, присоединил к нему прибор ночного видения, в армейском обиходе именованный просто «филин», захватил плотный коврик – чтобы удобнее было, если придется наблюдать лежа. После этого поднялся по лестнице.

Заняв нужную позицию на теплой свинцовой кровле, в бинокль Миграт мог отлично видеть при взгляде вправо – окна фасада, и, главное, центральные ворота, напротив которых сейчас расположился тяжелый штурмовой танк «Меч Суана» и никак не менее взвода Черных Тарменаров; глядя же левее, можно было просматривать глухой внутренний двор и задние ворота, а в середине двора – небольшое строение, как бы беседку, чье назначение всегда оставалось для Магистра неясным.

Он провел на крыше, укрытый от взглядов каменным зубчатым парапетом, около двух часов. Вокруг Жилища и во внутреннем дворе все было спокойно. Танк и солдаты перед входом дежурили и вчера, и позавчера, их присутствие само по себе ничего не значило. Итак, можно было рисковать и пуститься на поиски подземного прохода.

Но когда он уже собирался закончить наблюдение и отправиться домой к Лезе, чтобы не опоздать к обеду, ему удалось заметить, как внешние, декоративные ворота, служившие как бы маской для настоящих Центральных, распахнулись (все знали, что настоящие находились за декорацией, в глубине арки, – из толстой броневой стали). Ворота эти раскрывались нечасто, и Магистр насторожился. Он снова занял оставленное было место и навел бинокль.

И не зря: тут же из ворот выкатился скоростной тарменарский боемобиль, за ним – второй, потом – бронированная Карета Власти, мощное трехосное средство передвижения, пуленепробиваемые стекла которого могли закрываться изнутри еще и металлическими шторками; то был экипаж Властелинов. За ним выехала еще одна военная машина – и весь кортеж на хорошей скорости пересек площадь и помчался мимо стадиона по Морскому проспекту.

Они не подавали звуковых сигналов, но солдаты, регулировавшие движение на проспекте, были, видимо, предупреждены, и машины Власти беспрепятственно промчались по прямой улице и через минуту уже скрылись из виду, свернув на Оранжевую эстакаду – направо. Значит, целью их был не морской порт и не воздушный. Возможно, Властелин отправился в поездку по стране, по ее пострадавшим от войны краям.

Было бы странно и недостойно, если бы он не сделал этого в первые же дни наступившего мира, решил Миграт. Ра-

зумный правитель никогда не полагается на то, что ему доносят, но стремится хоть что-то увидеть своими глазами и услышать ушами – чтобы потом, сравнивая увиденное с должным, внести необходимый коэффициент лжи и во все остальные сообщения. Что же: поступок весьма разумный. Однако это означало, кроме всего прочего, что Властелин находился в достаточно хорошей форме: полумертвые не совершают путешествий, это удел лишь живых или мертвых.

Однако во всем можно найти и хорошую сторону. Для Миграта временное отсутствие Властелина в его Жилище означало прежде всего то, что охрана неизбежно в какой-то степени расслабится – тем более что самая надежная часть ее отправилась, надо полагать, вместе с Изаром. А значит – проникнуть в обитель Власти будет проще, чем еще час тому назад.

На всякий случай он решил еще задержаться на башне: надо было подождать, чтобы успокоились солдаты и заботники, которых сейчас на улицах – в связи с выездом – наверняка было гораздо больше, чем обычно. На обед он уже опоздал и, привычно представляя, как будет возвращаться, проskalзывать знакомым путем, дворами и тропинками, еще до него кем-то протоптанными в развалинах, искал слова, какими будет извиняться перед Лезой, и тот способ, при помощи которого сможет искупить свою несомненную вину.

Прошло еще около часа прежде, чем он решил наконец покинуть свой наблюдательный пункт и вернуться домой.

Однако, не успев еще спуститься на нижний уровень башни, Миграт понял, что этот выход для него сейчас закрыт.

Собственно, подумай он вовремя как следует, – наверняка сообразил бы, что столь удобное место обязательно должно использоваться для одного из постов режима усиленной охраны. Вероятно, солдаты обосновались здесь незадолго до выезда Властелина, когда Миграт был увлечен наблюдением. И пока вроде бы не собирались уходить.

Миграт не понимал, какая была необходимость в сохранении усиленной охраны сейчас, когда Властелин покинул свое жилище. Однако, взглядевшись попристальнее, едва не присвистнул: это были другие Тарменары, не Черные – Изара, но Горные, охрана и опора Ястры. И вряд ли они охраняли Изара. А значит, сегодня – наступающей ночью – тут произойдет еще что-то интересное, и, пожалуй, не стоит обижаться на то, что придется еще посидеть на башне. «Конечно, – думал он, – Леа будет очень обижена. Но ведь, в конце концов, все, что он делает, должно будет пойти на пользу не только ему самому, но и ей и ее ребенку. Будущему Властелину».

Время, как ему казалось, замедлило свой ход. Ночь наступала как-то очень медленно. Наконец включили уличные фонари, их было меньше, чем раньше, и были они снова газовыми – но почти сразу же вспыхнули армейские прожекторы, заблаговременно доставленные сюда и питавшиеся от собственных источников, и на площади перед Жилищем Власти наступил как бы солнечный день. Любой человек – или

любые люди, решившие воспользоваться ночным временем для силового или скрытного проникновения в Жилище Власти со стороны площади, были бы обнаружены и уничтожены уже после первых шагов.

Но при чем тут воины Ястры?

Наступившая темнота и облачное небо позволили Миграту, просунувшись между зубцами парапета, при помощи «филина» более внимательно оглядеть расположившихся внизу солдат. Странно: позиция, занятая ими, указывала, что целью их была вовсе не защита Жилища от кого-то, кто мог бы напасть извне, но напротив – они должны были охранять от возможной угрозы со стороны людей Изара – что-то или кого-то, находящегося в уцелевших домах или, в крайнем случае, в ближних развалинах; иначе пост у башни оказался бы совершенно бессмысленным.

Поняв это, Миграт повернулся и при помощи того же «филина» и бинокля стал вглядываться в развалины.

Там все казалось безжизненным. Уцелевшие жители с наступлением темноты запирались в домах, бродяги и бандиты не рисковали даже ночью приближаться к Жилищу Власти: тут стреляли без предупреждения. Но, видимо, что-то все-таки должно было случиться...

И случилось. Миграту удалось вовремя заметить, как, словно сгусток плотной темноты, на тот самый пяточок под старую арку, что был обнаружен им еще раньше, сверху опустился без огней и аккуратно сел маленький аграплан.

Миграт застыл, как восковая фигура, наблюдая. Из аграрного плана выбрались два тарменара. Вслед за ними, после краткой паузы, вылез еще один человек, а за ним – снова солдат. Дверца закрылась, и машина поднялась в воздух столь же бесшумно и незаметно, как и села. Несколько секунд Миграт провожал ее взглядом. А когда снова опустил бинокль и посмотрел на площадку, людей на ней больше не было. Они исчезли, и он не мог сказать: скрылись ли в развалинах, или вошли за угол недалеко от них уцелевшего дома. А может быть, просто укрылись под той самой аркой.

Тем не менее, яркий свет и двенадцатикратное увеличение бинокля позволили наблюдателю и за тот краткий миг, каким он располагал, безошибочно опознать приехавшего под охраной – или под конвоем – Горных Тарменаров человека.

То был его недавний противник, эмиссар Высших Сил по имени Ульдемир.

Миграт полагал, что после окончания военных действий и капитан, и сопровождавшие его люди покинули планету. Оказалось, что нет. А если и уезжали, то не промедлили с возвращением. Это было интересно.

И тут же в голове Магистра начал возникать план – хотя и рискованный, но в случае успеха обещавший хорошие результаты.

Видимо, сохранение усиленного режима охраны было связано именно с доставкой этого человека: наверное, опасаясь

лись, что кто-либо из противников Власти – кого-то из Власти – попробует помешать капитану достигнуть Жилища. Но если он здесь, то и его соратники все еще находятся на Ассарте. Таких людей было бы, пожалуй, приятно иметь в союзниках.

Так рассуждал Миграт, когда – примерно через полчаса после этого события – располагавшийся внизу пост был снят; Миграт сверху наблюдал за тем, как уходили шестеро горцев, составлявших патруль.

На всякий случай он выждал еще с четверть часа. Все было спокойно. Никто не помешал ему спуститься, хотя в темноте преодолевать обгоревшую часть лестницы было очень не просто.

Выбравшись из отдушины и убедившись, что вокруг безлюдно, Миграт задумался.

Возвращаться сейчас домой было рискованно. Магистр успел уже убедиться в том, что ночами в разрушенных частях города – да и не только в них – хозяйничает беглая и вражеская солдатня или просто бандиты. Ему было бы трудно уклониться даже не от засады, а просто от кирпича, брошенного ему в затылок с расстояния в три-четыре метра. Идти сейчас не следовало.

Но до рассвета оставалось еще не менее четырех часов. Можно было, конечно, вернуться в Тонг и подремать до света. Но ему не хотелось терять времени. И он чувствовал, что не уснет.

Он, разумеется, беспокоился за Лезу и ребенка. Но до сих пор в тех местах, где располагался их домик, все было спокойно. Почему же именно сегодня, в его отсутствие, должно что-то случиться?

И он решил использовать время и темноту, чтобы исследовать те два хода, что вели в лабиринт под Жилищем Власти, входы в которые не только были ему известны – таких было не менее десятка, – но и уцелели.

Тем более что оба этих входа находились достаточно близко от Тонга.

Миграт пробирался почти вслепую: привезенный с Инары фонарь у него был, но приходилось беречь батареи, их было мало, а в развалинах пока не удалось найти новых. Кое-где в подземелье попадались лужи, одну из них пришлось преодолевать по колено в воде. Он решил было зажечь заранее заготовленный факел, но, подумав, отказался от этой мысли: узкий, извилистый ход был известен, разумеется, не ему одному, дальше, где было несколько расширений, могли находиться люди. Всякие: от бандитов и дезертиров до Стражей Жилища. Он осторожно миновал, одно за другим, два ответвления. У каждого, притаившись, прислушивался. Здесь никогда не могло быть совершенно тихо: по туннелю, как по волноводу, доносились звуки, неизбежные для города, пусть и полуразрушенного: смешанные до уровня белого шума голоса людей, разбиравших развалины или отправившихся на поиски съестного, скрип шагов по щебенке, в какую превратилось множество стен, крики – кого-то грабили или насиловали... Но угрожающих звуков он не услышал и двинулся дальше.

Миграт уже поверил было, что проход чист, когда уже привыкшим ко мгле глазам почудился впереди, на повороте, слабый отблеск света.

Он остановился; потом двинулся дальше – настолько бес-

шумно, насколько позволяли его вес и умение. Подойдя к повороту, опустился на каменный пол и выглянул. Впереди, близко, был еще один изгиб хода, и свет за ним усиливался. Не поднимаясь с колен, Миграт миновал и это колено коридора. И услышал негромкие, спокойные голоса. Прислушался. Язык был родным, ассартским. Бандиты? Или охрана? Поколебавшись, он решил и, растянувшись на полу, выглянул.

В округлом расширении, в какое переходил коридор, сидело на полу трое. Тарменары, сразу же опознал он. Черные. Три десантных «циклона». И готовый к бою, направленный, показалось, прямо на него крупнокалиберный «ураган». Пулемет с автоматическим искателем цели. Миграт смотрел не более полуминуты, но ствол пулемета уже шевельнулся, клонясь в сторону Магистра. Одновременно прогудел негромкий зуммер тревоги. Голоса смолкли. Миграт уже торопливо отползал, спеша к первому повороту. Снова послышался голос – на этот раз, судя по тону, то была команда, слов Миграт не разобрал – не до того было. Он миновал поворот, поднялся на ноги и заторопился, стараясь шуметь как можно меньше, то и дело оглядываясь. Но света за спиной не возникло: видимо, его решили не преследовать; целью ведь могла оказаться и просто бродячая собака.

Нет, здесь было не пройти. Во всяком случае, бесшумно. А ему только так и нужно было: без звучка, без сучка, без задоринки.

Он двигался назад, к выходу, погасив фонарик: однажды пройденный путь Миграт, как правило, запоминал надолго, если не навсегда. И когда он вновь поравнялся с ответвлениями, ему почудилось в полной темноте, что в правом из пересекающихся ходов на миг чуть посветлело. Только на миг. Но и это значило очень многое. В подземелье не может быть случайной игры света: его там просто нет. А если уж он промелькнул, то причина могла быть лишь одной: там прошли люди. Прошли тихо, иначе он услышал бы. Да и свет был слабым. Те, кто охраняет ходы от проникновения извне, ведут себя иначе. Они – если только не выслеживают кого-то – шагают уверенно и переговариваются громко, быть может, для того, чтобы подавить собственную неуверенность. Нет, кто-то явно искал здесь того же, что требовалось и ему: возможности скрытно проникнуть в самое сердце Власти.

Не долго думая, он свернул в этот ход и пошел, по-прежнему не зажигая света, лишь вытянув руки перед собой и слегка в стороны – чтобы не налететь на стену. При этом пальцами правой руки он легко касался стены. Это позволило ему определить место, где этот ход пересекался с тем, в котором и мелькнул блик.

К сожалению, он теперь уже не мог установить, в каком направлении двигались прошедшие здесь люди: направо, то есть в Жилье, – или в противоположном направлении, к выходу. Миграт постоял, прислушиваясь. Ничего не было слышно. Следовательно, препятствий к движению не суще-

ствовало, ход никем не контролировался.

Похоже, это была удача. Если люди шли к выходу – значит, и он мог использовать его. Если шли в Жилище, то и он может беспрепятственно проникнуть туда. А ему сегодня только и нужно было – убедиться в возможности такого проникновения. Ничего другого. Он даже не был вооружен как следует.

Он свернул направо и пошел – все так же обходясь без света и ведя пальцами по стене.

Миграт старался идти по возможности тихо, хотя при его весе это было не так-то просто. Но, видимо, он все-таки нашумел. Потому что за очередным поворотом кто-то схватил его за щиколотку еще не успевшей опуститься на пол ноги и рванул.

Не успев сгруппироваться, он во весь рост рухнул на пол, при падении задел головой о стену и потерял сознание.

Миграт не знал, сколько прошло времени до того, как он пришел в себя. К счастью, левая рука его продолжала сжимать фонарик. Магистр нажал на кнопку, боясь, что маленький светильник от удара вышел из строя. Свет зажегся, и можно стало осмотреться. Миграт сел на полу. Голова болела и кружилась.

То, что он увидел, его никак не обрадовало.

Рядом с ним, ближе к стене, лежали двое в солдатской форме. Миграт быстро убедился в том, что оба мертвы. Но рука одного из них все еще сжимала лодыжку Магистра. Видимо, человек этот умер не сразу, и последним в своей жизни усилием, уже вряд ли что-нибудь соображая, схватил Миграта за ногу, когда она оказалась рядом. Вряд ли это было осознанным движением.

Была неясна причина их смерти: они не были убиты ножом или кинжалом. Рты обоих были широко разинуты, в мертвых глазах застыл ужас. Умерли от страха? Но солдаты мало чего пугаются до такой степени, чтобы умереть на месте, даже не пытаясь защититься.

Впрочем, сейчас это вряд ли было самым важным.

Миграт осветил свои часы. Прикинул. Он пролежал здесь никак не менее сорока минут. Убитые были солдатами, оружие осталось при них. Вряд ли это были те, кто пробирался

по ходу: тогда на полу в полуметре от них не стоял бы термос. Значит – пост. И в любую минуту здесь могут появиться те, кто должен прийти им на смену. Если они наткнутся на Миграта, то без разговоров убьют на месте.

Нет, этот ход следовало считать закрытым.

Он повернулся и – сначала неуверенными шагами, но чем дальше, тем спокойнее, – пошел в направлении выхода. На этот раз он шел со светом: в темноте головокружение сейчас сразу охватывало его, и он боялся упасть.

Дойдя до перекрестка, Миграт на мгновение задержался: идти по тому ходу, по какому, вероятно, пришли люди, уничтожившие пост, – или возвращаться той дорогой, какой пришел?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.